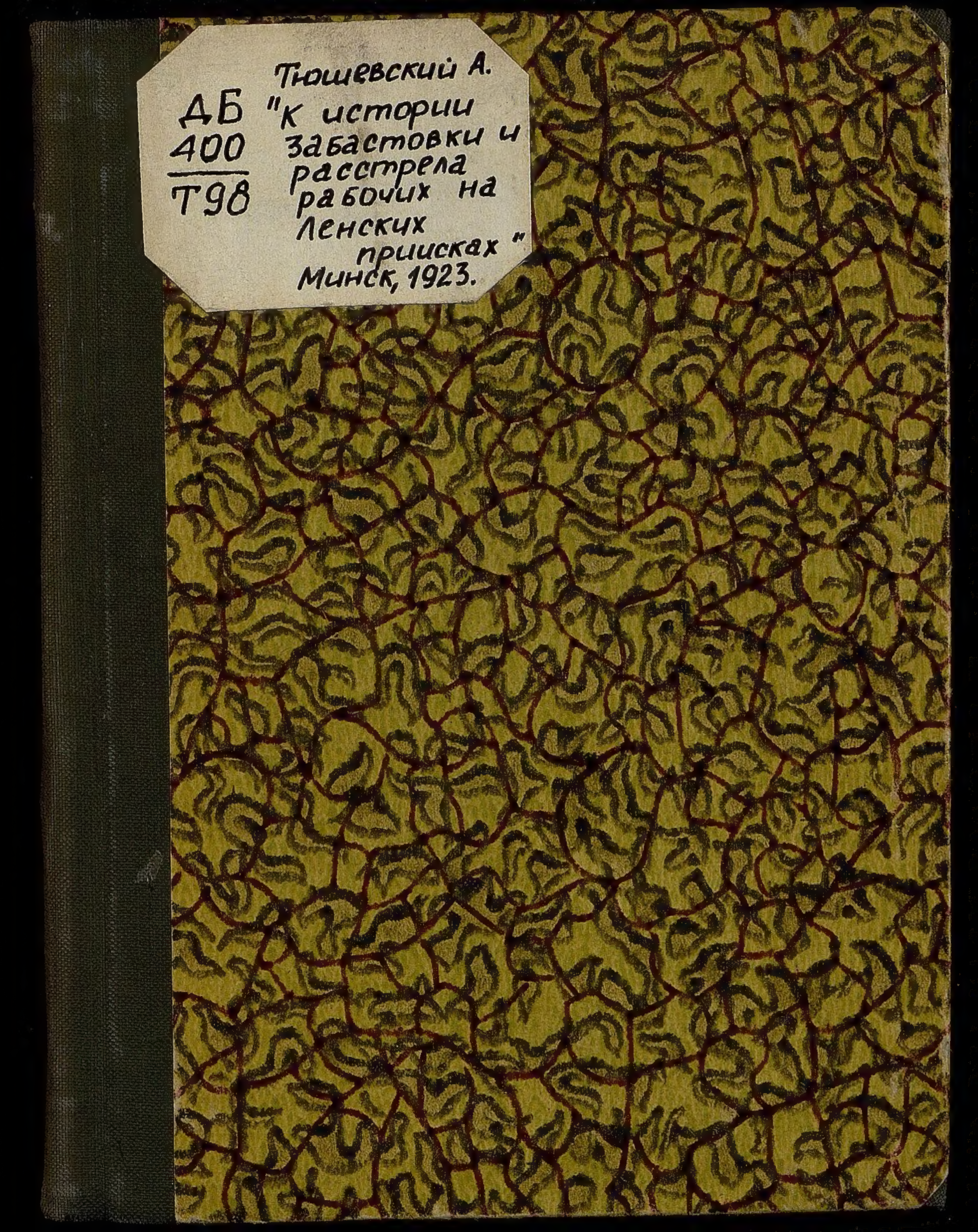
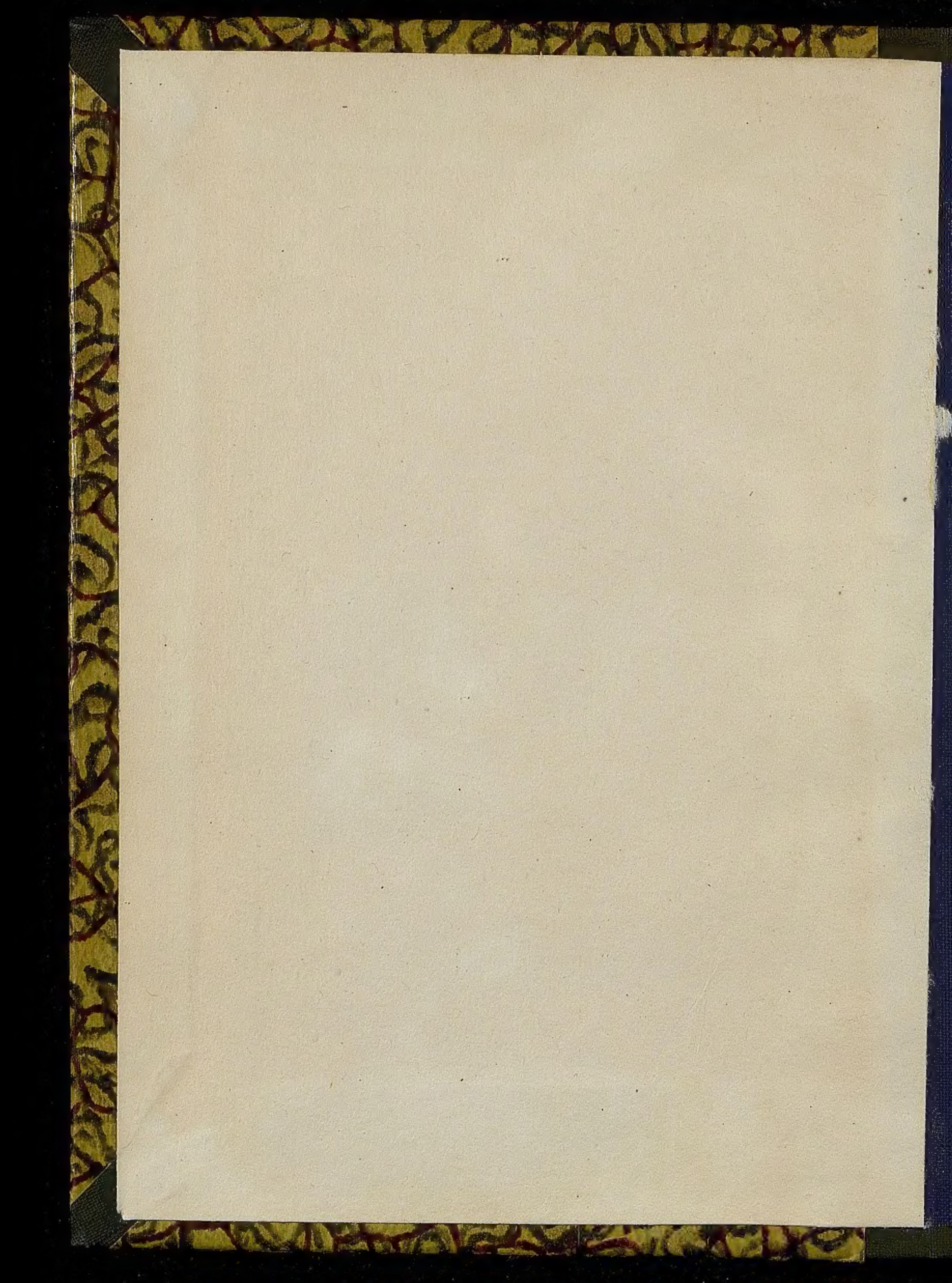
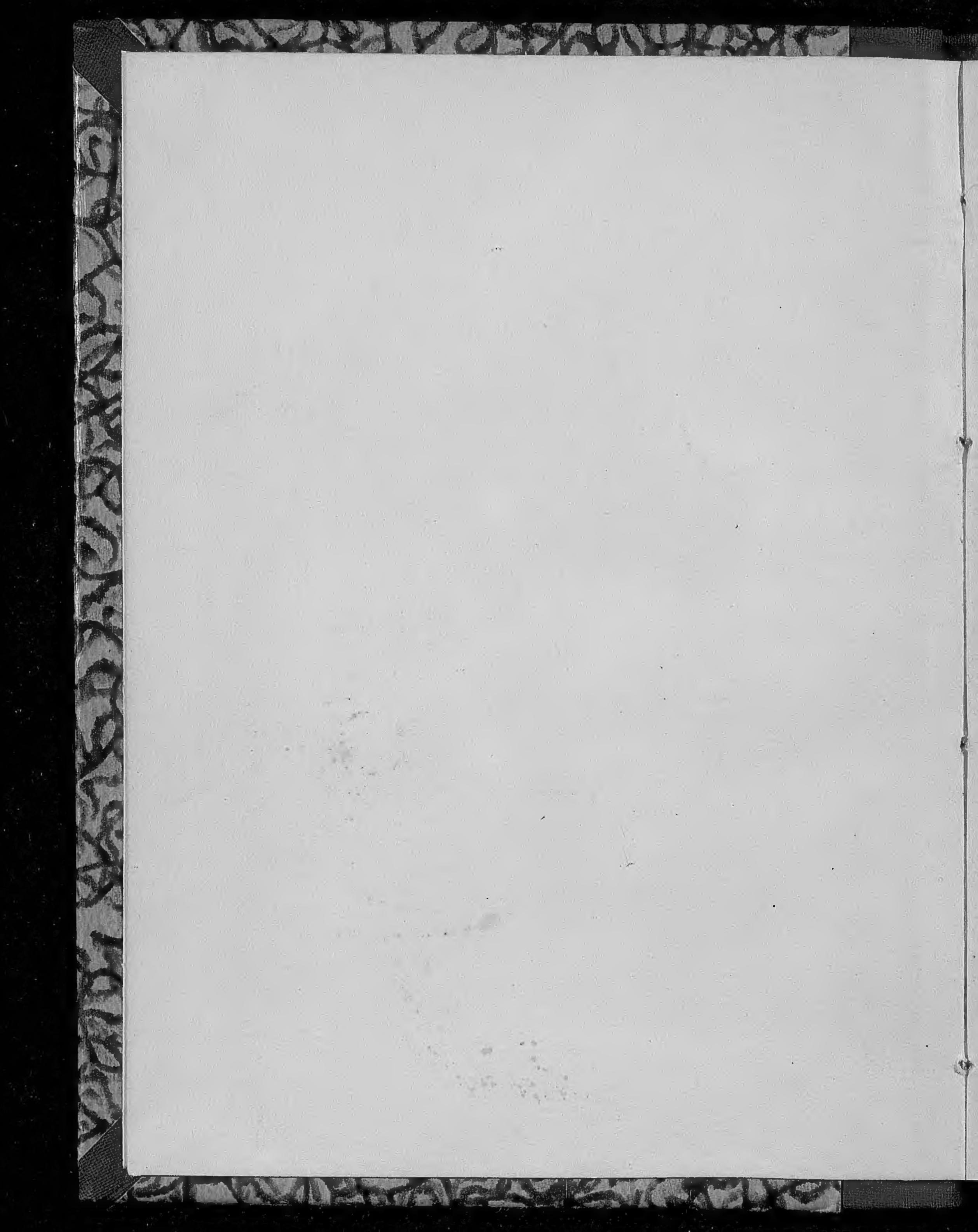

Тюшевский А.
ДБ
400
Т98
"К истории
забастовки и
расстрела
рабочих на
Ленских
приисках"
Минск, 1923.





А. ТЮШЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ ЗАБАСТОВКИ и РАССТРЕЛА РАБОЧИХ НА ЛЕНСКИХ ПРИИСКАХ

ПАРТИЗДАТЕЛЬСТВО ЦБКПБ „ВПЕРЕД"
МИНСК 1923

А. ТЮШЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ
ЗАБАСТОВКИ и РАССТРЕЛА
РАБОЧИХ НА ЛЕНСКИХ ПРИИСКАХ

ПАРТИЗДАТЕЛЬСТВО ЦБКПБ
«В П Е Р Е Д»
МИНСК—1923 г.

Главлитбел № 1088.(тираж 4000) 1-я Сов. тип. зак. № 86т.

* * *

Мы до сего времени еще не имеем разработанных материалов, проливающих полный свет на Ленские события и роль отдельных участников в них.

Брошюра Тюшевского в этом отношении является пока единственной, освещающей кровавую трагедию, разыгравшуюся в далекой Сибири 4 апреля 1912 г. Особенно горячо ее следует рекомендовать нашему молодому подрастающему поколению. Здесь они увидят яркую, живую картину варварской эксплоатации, рабски-крепостнических условий труда и кровной связи капитала с царским самодержавием в старой России.

Пусть из этого рассказа об'ективного исследователя они узнают о кровавом, тернистом пути, проделанном российским пролетариатом за свое раскрепощение, пусть воспитают в себе классовое сознание и ненависть к капиталистическому миру, и пой-

мут исторический урок кровавой бойни на Лене для пролетариата.

События на Лене в истории революционного движения рабочего класса сыграли крупнейшую роль, они явились тем сильнейшим толчком, который поставил оправившийся российский пролетариат после разгрома 1905 г. перед лицом враждебного ему царистско-помещичье-буржуазного фронта.

Начавшаяся классовая дифференциация с конца 1905 г., выявившиеся более определенно в последующий период классовые противоречия и противоположности предопределили характер и содержание грядущих битв российского пролетариата.

После Лены борьба рабочего класса все более склонялась к тактике социальной революции. Ликвидаторство, разлагавшее пролетариат в годы тяжелой и мрачной реакции, потерпело решительное поражение и пролетариат выступил в бой с широко развернутыми знаменами социальной революции.

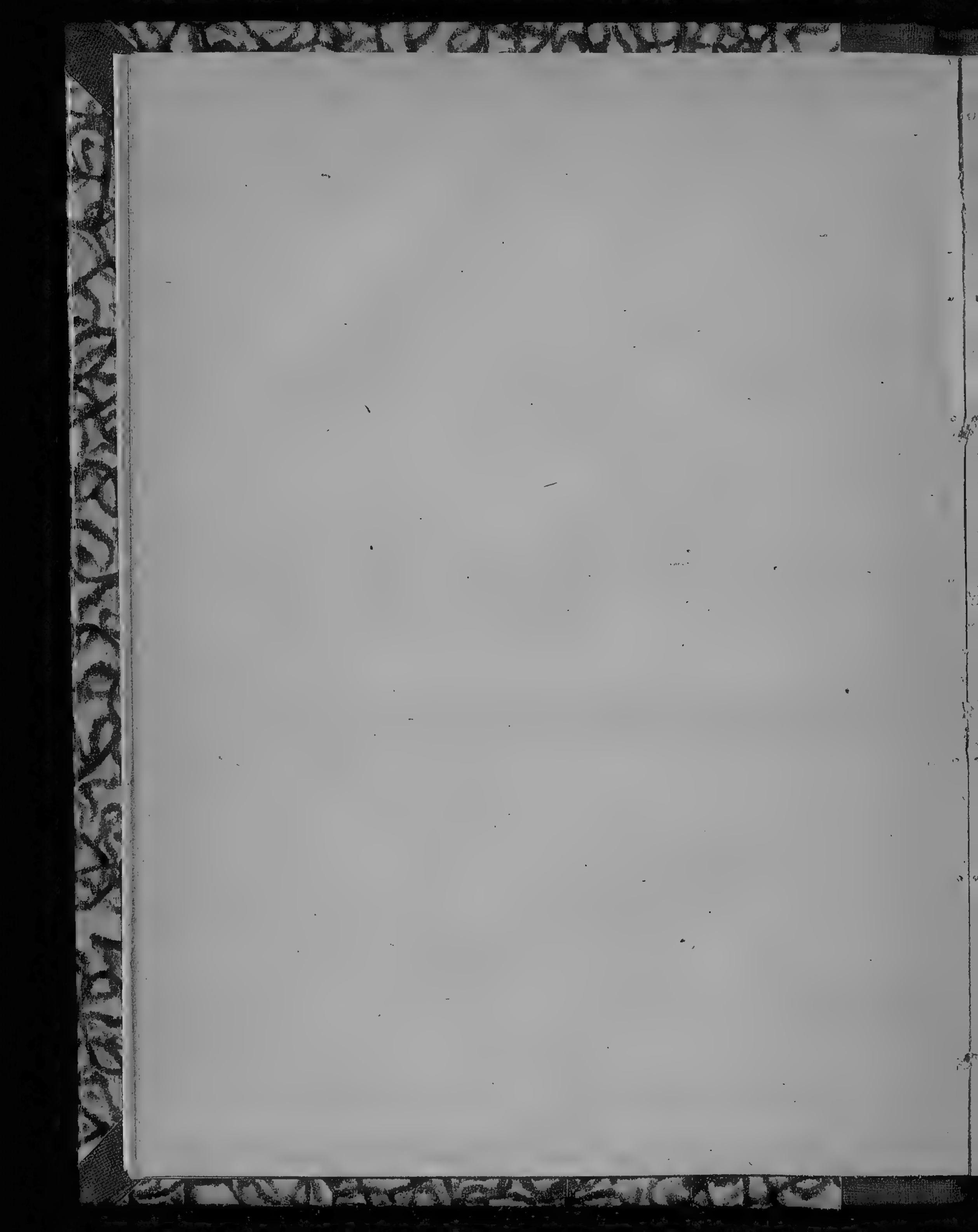
Война 1914 г. временно задержала поступательный ход рабочей революции, но

начавшись в феврале 1917 г. свержением самодержавия, революция завершила свой конец октябрьским переворотом.

В этом урок и значение Лены.

Ис—н Вайнер.

13 апреля 1923 года.
г. Минск.



ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий труд назван автором «К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках» потому, что история разыгравшихся в сибирской тайге весною 1912 г. событий так богата материалами, что для нее потребовалась-бы большая двухтомная работа, чего автор не мог сделать.

Материалы, на которые есть ссылки в настоящем труде, были собраны в вышедшей в 1913 г. и тогда-же конфискованной царским правительством книге «Правда о ленских событиях», в подготовлении которой была доля участия и автора.

Переписка департамента полиции и министерства внутренних дел с иркутскими и бодайбинскими властями была доставлена автору в сентябре 1912 г. Н. А. Рожковым, который получил ее в свою очередь от некоего бывшего ссыльно-поселенца Соболева, которому бывшим иркутским губернатором Ф. А. Бантышем было доверено перепечатать эту интересную ведомственную переписку.

Надо отметить и то, что автору эта же переписка была вручена позднее и непосредственно Ф. А. Бантышем в тот момент, когда последний имел все основания считать автора избранным в 4-ую Государственную Думу (впоследствии выборы были кассированы по приказу бывшего министра юстиции Щегловитова).

Отметим также и то, что первоначальная редакция запроса Государственной Думы правительству была составлена в Иркутске и принадлежала следующим лицам: убитому агентами Колчаковского правительства

втородумцу И. И. Кириенко, Н. А. Рожкову, В. А. Викеру и автору.

Первоначальная редакция, которая была более яркой, к сожалению, подверглась в Государственной Думе изменению, вследствие чего запрос получился расплывчатым.

В настоящем труде автор считал необходимым держаться той общей линии, которая была намечена в первоначальной редакции запроса.

И, наконец, автор считает долгом отметить последнее обстоятельство. Значение великого исхода рабочих из тайги было освещено автором в его прощальной речи перед покидавшими прииски рабочими. В своей речи автор подчеркнул, что правда о ленских событиях будет вскрыта самими рабочими, и что искание правды сделается знаменем борьбы рабочего класса в России в ближайшие годы.

Из всей легальной прессы того времени нашлась одна газета, которая отметила эту речь и солидаризировалась с автором.

Этой газетой была старая «Правда».

А. Тюшевский.

15 апреля 1921 г.

К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках.

В начале июля 1912 г. тысячи ленских рабочих со своими женами и детьми покинули далекий Олекминско-Витимский золотопромышленный район и двинулись кто в Тобольскую, кто в Нижегородскую, кто в Тифлисскую губернии. Широкая и многоводная река Лена в течение почти месяца была усеяна баржами, которые везли необыкновенный груз—живую рабочую силу, давшую жизнь этому безлюдному, далекому, богатому краю. Если бы мы стали искать исторических аналогий, то великий исход ленских рабочих с приисков можно сравнить лолько с библейским сказанием об Исходе евреев из Египта.

Что-же, какие события, какие причины заставили рабочих решиться покинуть свои более или менее насиженные места, подвергнуться ужасающим лишениям в дороге и пойти на совершенно неизвестное будущее? На этот вопрос бывшие ленские рабочие в момент своего ухода отвечали так: «Мы покидаем мрачную тайгу после долгой четырехмесячной тяжелой борьбы за улучшение нашей горькой участи без копейки денег, потому что *мы не добились правды*» (из благодарственного адреса рабочих юристам, расследовавшим ленские события).

На нашей обязанности лежит раскрыть ту правду, которую так упорно и так твердо искали ленские рабочие.

Главными действующими силами в разыгравшейся в сибирской тайге весною 1912 г. трагедии были Ленское Золотопромышленное Т-во, рабочие и царское самодержавие.

Возникновение Ленского Золотопромышленного Т-ва относится еще к 1861 году, когда российский капитализм только что начинал пускать слабые ростки. В то далекое время эта золотопромышленная компания называлась просто Ленским Т-вом. Только в 1882 г. Ленское Т-во превращается в Ленское Золотопромышленное Т-во на паях, во главе которого становится барон И. Гинзбург. С этого года Ленское Золотопромышленное Т-во начинает скупать одни золотые прииски за другими и сосредоточивать в своих руках все большие и большие золотоносные площади. В 1893 г. Ленским Золотопромышленным Т-вом скупаются прииски Т-ва Иннокентьевского дела Гинзбурга, в 1893 г. прииски В. И. Базилевского на реке Нычре, в 1903 г. арендуются прииски бывшей Бодайбинской Компании, в 1909 г. покупаются прииски «Компании Промышленности в Восточной Сибири». В том же году к Ленскому Т-ву переходит от «Компании Промышленности» приисковая железная дорога, а в 1910 г. пароходное дело по реке Лене той же компании. В этом году Ленское Золотопромышленное Т-во заканчивает концентрацию в своих руках золотого дела Олекминско-Витимского округа. К этому году Ленскому Т-ву принадлежало 423 прииска с общей поверхностью в 38.642 дзесятины, среди которых был и Феодосиевский прииск—самый богатый в Сибири по содержанию золота. Здесь же необходимо отметить еще одно обстоятельство, сыгравшее крупную роль в истории развития Ленского Т-ва,—это превращение в 1896 году Ленского Т-ва из паевого т-ва в акционерную компанию с основыми акциями по 750 р. каждая. Какое значение имело это обстоятельство, будет видно далее. Скоцентрировав в своих руках все золотое дело Олекминско-Витимского округа, Ленское Т-во не-

останавливается в своем развитии. Оно стремится перенести свою деятельность в другие области. В 1911 г. Ленское Т-во приобретает концессию Вонлярлярского „Северо-Восточное Сибирское О-во“ и основывает—«Общество для постройки Ленской железной дороги» протяжением более чем 2000 верст, которая должна была соединить г. Бодайбо и золотые прииски со станцией Тулун Сибирской железной дороги.

В этом неудержимо рвущемся вперед стремлении к распространению своей деятельности Ленское Т-во находило всегда поддержку в Государственном Банке, который усиленно субсидировал Ленское Т-во, часто нарушая свой устав. К 1903 году задолженность Ленского Т-ва Государственному Банку выражалась в грандиозной для того времени цифре—7 миллионов рублей. Начиная с 1904 г. начинается под'ем прибыльности предприятия.

По отдельным операционным годам эта прибыль Ленского Т-ва была такова:

1904—5 г.	86.117 р. 74 к.
1905—6 »	57.536 » 87 »
1906—7 »	290.168 » 09 »
1907—8 »	1.997.604 » 03 »
1908—9 »	4.908.852 » 07 »
1909—10»	6.812.925 » 66 »

Из приведенных цифр вы видите, какими резкими скачками идет рост прибыли Ленского Т-ва. За шесть лет эта прибыль возросла с 86.000 почти до 7.000.000, т. е. почти в 80 раз. Но... это не все. 22 октября 1909 г. согласно высочайшему повелению, распубликованному в Собрании Узак. и Распоряж. Правит. за № 100 акционерный капитал Ленского Т-ва, равнявшийся номинально 11.000.000 руб., был сокращен на 40%. Что это значит? Это значит, что каждый рубль капитала Ленского Т-ва был признан равным 60 коп. Вследствие этого номинальная цена акций 750 руб. была сокращена до 450 руб. Благодаря

этой операции Государственного Банка Ленское Т-во, во-1), покрыло полностью убытки прежних лет, достигавшие 4.428.467 р. и, во-2), получило возможность поднимать биржевую цену своих акций на такую высоту, о которой самые смелые его руководители не могли мечтать. И как было не играть на повышение, если в 1908—1909-ом году было выдано Ленским Т-вом дивиденда на каждый рубль номинальной стоимости акционерного капитала 25%, или 41,7% на рубль его фактической стоимости.

С этого времени заправилы Ленского Т-ва уделяют главное внимание биржевой игре, которая становится для них главным источником обогащения. Вот несколько красноречивых цифр, которые говорят о бешенном обогащении держателей акций.

1 мая 1910 г. акции I и II выпуска номинальн. стоим. в 450 р. продав. . . . . за 3.850 р.
2 авг. 1910 г. акции I и II выпуска номинальн. стоим. в 450 р. продав. . . . . 5.575 р.
2 мая 1911 г акции I и II выпуска номинальн. стоим. в 450 р. продав. за . . . . 5.550 р.

К этому времени относится образование Английского Общества Lena Goldfields lmd C⁰, которое скупило ³/₄ акций Ленского Т-ва. С учреждением этого О-ва Ленское Т-во становится интернациональным предприятием, которое получает *небывалую прибыль от реализации акций.* В своем отчете 2-му Общему Собранию акционеров Правление Lena Goldfields lmd C⁰ докладывало: «Благодаря высоким ценам на акции Ленского Т-ва на Петербурской бирже во время совершения продажи сделалось возможным получить чистой прибыли от акций на номинальную сумму 17.000 фунтов стерлингов, более 209.000 фунтов стерлингов». Что это значит? Это значит, что при продаже акций на 170.000 р. люди получили прибыли 2.090.000, т.-е. увеличили свой капитал, не ударив палец о палец, в 12 раз.

Если одна часть руководителей Ленского Т-ва, во главе с бароном Гинзбургом, направляла свою энергию на то, чтобы добиться на фондовой бирже такого положения, чтобы акции Т ва были фаворитами-любимцами биржи, и, как вы могли видеть, они добились такого положения, то другая часть руководителей Ленского Т-ва, во главе с главноуправляющим приисками Белозеровым, направляла свою энергию в сторону захвата всего „земского" местного хозяйства, полного подчинения всего населения приленского края с включением сюда Верхоленского, Балаганского и Нижнеудинского уездов Иркутской губ. и жестокой эксплоатации рабочего класса. Деятельность этой второй группы дополняла работу первой группы.

Ленское Т-во захватило в свои руки все местное «земское» хозяйство следующим образом.

Согласно временных правил об устройстве с'ездов золотопромышленников, Олекминско-Витимские золотопромышленники обязаны были вносить „пособие" казне на содержание горнополицейской стражи, доставлять последней помещение с отоплением и освещением, пищевое и всякое другое довольствие, оказывать пособие казне на содержание мест заключения, на добавочное содержание мировых судей, на содержание квартир двух окружных горных инженеров, двух горных исправников, на содержание правительственного почтового сообщения между с. Витимом и г. Бодайбо, на квартирное довольствие чинам почтово-телеграфного ведомства в г. Бодайбо и т. д., и т. д. Фактически Совет С'ездов золотопромышленников, кроме этих обязательных расходов нес добровольные расходы по содержанию и пересылке арестантов и хроников, по содержанию Бодайбинской больницы, больницы и приюта на прииске Верном, по оплате раз'ездов должностных лиц, ремонту приискового тракта и т. д., и т. д.

В 1911 г. Ленское Т-во заявило, что Совет С'езддов золотопромышленников юрилически более не существует, что оно берет на себя все права и обязан-

ности Свсета, так как в крае нет других более крупных золотопромышленников и оно одно почти несет всю сумму раскладок, установленную вышеуказанными правилами. Таким действием Ленское Т-во поставило себя на высоту ленного владетельного княжества. Это ленное княжество платило пособие казне—своему суверену и взамен этого получало от него право располагать всей полнотою его власти в этом далеком крае. После этого переворота Ленское Т-во получило в свои руки тысячи возможностей поставить в полную зависимость от себя все органы местной правительственной и судебной власти.

Явившись монополистом в крае Ленское Т-во сравнительно легко достигло и полного подчинения населения, раскинутого на пространстве радиусом в 1.500 верст. Пользуясь тем, что предприятие его является единственным крупным покупателем в крае, Ленское Т-во стало диктовать низкие цены своим поставщикам, которые поставляли для него хлеб, мясо, овощи, лес, дрова и т. д. Низкие цены поставщиками перекладывались на население края. Договоры, которые заключались с поставщиками, носили кабальный характер. Между прочим во всех договорах поставщики обязывались вносить Ленскому Т-ву по ½ коп. с рубля на ремонт тракта. Куда шла собираемая таким путем подать с подрядчиков, остается неизвестным и по наше время.

Главным образом Ленское Т-во направило всю мощь своей власти против рабочих.

Программа, которую поставило себе Ленское Т-во по отношению к рабочим, была выражена в колоритном заявлении г-на Белозерова. Вступая в обязанности главноуправляющего приисками, этот вчерашний «старатель», впоследствии ставший «королем тайги» и коммерции советником, буквально заявил рабочим следующее: „Я заставлю работать всех так, что у меня от коней останутся хвост да грива, а от людей нос да глаза». И эту программу Ленское Т-во проводило не-

уклонно в жизнь, поставив рабочих в конце-концов в нечеловеческие условия.

Таким образом, мы подошли к анализу второй главной силы в разыгравшейся трагедии—к рабочим и к условиям, в которых они жили. При анализе этой силы необходимо отметить следующие характерные факты. По своему составу все рабочие на приисках были пришлым элементом, причем на долю Европейской России падало 57,18 проц. и на долю Азиатской России 42,82 проц. По губерниям рабочие распределяются так:

Уроженцев	Тобольской	губ. на нрисках было	20,44	проц.
»	Симбирской	»	15,15	»
»	Нижегородской	»	12,23	»
»	Вятской	»	9,51	»
»	Иркутской	»	9,35	»
»	Енисейской	»	6,39	»
»	Костромской	»	4,70	»
»	Пермской	»	4,77	»

и т. д.

Из этих цифр видно, что большинство рабочих приехало на прииски из далекой России. Это большинство должно было преодолеть иногда трех, иногда четырех-тысячное пространство по жел. дороге до Иркутска, отсюда проехать на лошадях или пройти пешком 300 верст до с. Жигалово и от этого пункта до г. Бодайбо проехать 1.734 версты по Лене, чаще всего в так-называемых шитиках (особого рода лодках). Всех этих тоболяков, симбирцев, нижегородцев, вятичей, пермяков и костромичан гнал в далёкую тайгу в большинстве случаев царь-голод, в редких—надежда на «фарт», найти так-называемое под'емное золото и разбогатеть.

По своему семейному положению подавляющее большинство рабочих были женаты Они составляли 72,32 проц. общего количества рабочих. Это обстоя-

тельство в истории забастовки, как будет видно, играло чрезвычайно большую роль.

И, наконец, надо отметить еще одно и последнее обстоятельство, именно—на приисках имелась группа в 24,75 проц. всего числа рабочих, которая работала более трех операций (операцией называется операционный год; у Ленского Т-ва он начинался 1 октября и кончался 31 сентября). Остальная масса рабочих работала менее трех операций.

Вся эта масса рабочих заключала с Ленским Т-вом договор найма. Срок договора начинался со дня выхода рабочих на работу и кончался 10 сентября. Этот срок был установлен Ленским Т-вом для того, чтобы держать рабочих в кабале, ибо осенью, во 1), сокращаются на приисках работы, во 2), прекращается навигация, и не возобновивший договора найма рабочий обрекался на голодную смерть или на старательство. То и другое позволяло Ленскому Т-ву устанавливать уровень заработной платы в наиболее неблагоприятный момент для рабочих. Можно было-бы отметить очень много условий договора, которые были невыгодны рабочим. К сожалению, размеры настоящей работы заставляют остановиться только на некоторых из них. И прежде всего на 12 пункте, который наиболее отчетливо говорит о том крепостном режиме, который был установлен Ленским Т-вом на приисках. Вот что гласит этот пункт.

«На прииски мы должны, нанявшись на работу являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение Управления. И в последнем случае пришедших с нами женщин и подростков обязуемся по требованию Управления посылать на работу, *отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не в праве в противном случае подлежат удалению с приисков.* В случае несогласия со стороны мужа (отца и брата) на удаление семьи с прииска, Управление вправе рассчитать рабочего, как нарушившего контракт". Об'яснений не требуется.

Из других пунктов заслуживает внимания 2-ой пункт, носящий такой же крепостной характер, как и 12-ый. В силу второго пункта рабочие обязывались исполнять всякую работу как на приисках, так и в на разведочных партиях, „куда бы их не назначило Промысловое Управление». Остальные пункты договора будут отмечены, когда мы будем говорить о рабочем дне, условиях труда и т. д. Вы ошибаетесь, если подумаете, что рабочий подписывал этот кабальный договор, зная, что он делает Нет. Подпись рабочего была там в тайге пустой формальностью. «Обычно, рассказывали рабочие, делалось так. Пригласят нас в контору, в окошке конторщик пробормочет что-то и велит подписывать, а что—неизвестно".

Теперь посмотрим, что давал рабочий Ленскому Т-ву и что он получал от него, взамен своего труда.

Общепринято при переходе к обзору условий труда, начинать с заработной платы. Начнем и мы с этого.

Ленское Т-во, будучи самым мощным в Олекминско-Витимском округе предприятием, держало на своих приисках наиболее низкий уровень заработной платы. Нижеследующая таблица поденной платы показывает вам ясно и отчетливо эту истину.

По справочным ценам Бодайбинской Городской Управы поденная плата была такова:

		Между тем Ленское Т-во платило рабочим той же категории.
Горнораб. пл. в д.	1 р. 50 к.	1 р. 35 к.
Кузнецам » »	2 » 90 »	2 » 25 »
Кровельщ. » »	3 » 20 »	1 » 80 »
Малярам » »	2 » 70 »	1 » 80 »
Плотникам » »	2 » 50 »	1 » 90 »
Слесарям » »	3 » —	1 » 75 » и 2 р 75 к

Заработная плата Ленским Т-вом особенно резко понижается в 1910 г. сейчас же после того, как им были куплены прииски „Компании промышленности".

Скупив названные прииски, Ленское Т-во понизило заработную плату в мокрых забоях с 2 р. 50 к. до 1 р. 90 к. и в сухих забоях с 1 р. 80 к. до 1 р. 50 к. в день.

Такова была поденная плата. На-ряду с ней существовала еще сдельная плата, которая платилась за так-называемый урок. Обязательным уроком была выработка 4-х кубических арш. песку. Так как работы производились в вечной мерзлоте, то выработка обязательного урока была «чрезмерной», как называли ее рабочие в докладной записке сенатору Манухину. Надо заметить, что выполнение урока иногда осложнялось тем, что рабочий наталкивался на работе на скалу, которую приходится рвать динамитом, иногда тем, что рабочий наталкивался на пловучий грунт, который приходится удерживать устройством целого ряда приспособлений.

Дальнейшая беда для рабочих заключалась в подсчетах сдельной заработной платы, которые были чрезвычайно сложны. Отчасти поэтому, отчасти вследствие недобросовестности служащих, допускались обмеры выработной породы и неправильные записи в расчетных книжках. Жаловаться на эти неправильности было рабочим некуда и бесполезно. Правильно сделан подсчет,—хорошо, если неправильно—считай неправильное правильным.

Если сдельную заработную плату перевести на месячную, то ее размеры выразятся в таких цифрах. Горнорабочие зарабатывали в месяц от 35 до 48 р., вахтовые от 50 до 60 руб., высококвалифицированные слесаря, токаря от 90 р. и выше. Две последние группы были слишком малочисленны. Главная и основная масса рабочих была горнорабочими, которые получали от 35 р. до 48 р. в месяц. Если принять во внимание существовавшие на приисках цены на продукты, то окажется, что для прожития на приисках каждый рабочий должен был тратить 1 рубль в день или 30 р. в месяц. Как видите, реальная заработная плата для

одинокого рабочего была удовлетворительна. Но так как на Ленских приисках было свыше 72 проц. женатых рабочих, то реальная заработная плата была так низка, что не могла прокормить семейных, состоящих даже из двух лиц—мужа и жены.

И эту голодную заработную плату Ленское Т-во не выплачивало полностью. Только 28,6 проц. своего заработка рабочие получали наличными деньгами, 43,9 проц.—продуктами, 24,6 проц. своего заработка рабочие получали только по окончании срока договора о найме. На эту колоссальную сумму, лежавшую в кассах, Ленское Т-во получало каждый год от 25 до 50 проц. чистой прибыли. Остальная часть заработка Ленским Т-вом выдавалась рабочим талонами или ордерами на магазин, от принятия которых рабочие не могли отказываться. Талоны выдавались в двух случаях: во-1), когда рабочему нужны были деньги и во-2), когда в магазинах Т-ва не было нужных для рабочего продуктов. Получив талоны вместо денег или нужного продукта, рабочий или продавал талон, или брал ненужный товар и опять продавал его. Так как рынок был ограничен, то рабочий в обоих случаях на продаже терял часть своего заработка. И потеряв ее, он покупал по дорогой цене на частном рынке необходимый ему продукт, т.-е. опять терял часть своего заработка. Принудительная оплата труда талонами возрастала в такой головокружительной прогрессии: если в октябре 1911 г. суммы заработка, полученные талонами, составляли 100, то

в ноябре 1911 г. составляли 279,7
„ декабре „ „ „ 386,4
„ январе 1912 „ „ 431,9
„ феврале „ „ „ 800,3

Неизвестно, до каких размеров дошла бы оплата труда талонами, если бы в конце февраля 1912 г. не разразилась на приисках забастовка.

За какой же труд рабочий получал такую зара-

ботную плату и в таких формах?—За каторжный. Сейчас это будет видно при рассмотрении технических условий труда.

Работа в шахтах у Ленского Т-ва производилась в глубине от 18 до 36 сажень под землей. Шахты разрезаны штольнями, вдоль которых идут забои. В каждом забое работают четыре человека, на обязанностях которых лежит: во-1), выработать обязательный урок, во-2), отвезти его на тачках к зумпфу (так называется устье шахты) и в-3), погрузить его в бадью, которая подается наверх. Поднятый наверх песок или отвозится на промывательную машину, (так бывает летом), или свозится на особые отвалы (так бывает зимою, когда промывательные машины не работают).

Как уже указывалось, этот каторжный труд происходит в вечной мерзлоте. Эту мерзлоту приходится оттаивать так-называемыми пожогами, которые зажигают на ночь в шахтах. Эта работа почти всегда сопровождается страшными угарами. Иногда угары достигают такой степени, что рабочие замертво падают в шахтах и их приходится из шахт вытаскивать на свежий воздух. Иногда работу приходится вести в мокрых шахтах с сильным притоком воды, который «хлещет» по выражению рабочих, «как из ведра с потолка и со стен». Ленское т-во вопреки горному уставу или не выдавало совсем непромокаемой одежды или выдавало ее в таком потрепанном виде, что через четверть часа рабочий становился совершенно мокрым. Здесь надо отметить то обстоятельство, что при шахтах у Ленского т-ва не было ни раздевален, ни сушилок. Проработав 11 часов, рабочие, промокшие до костей, должны были возвращаться домой при 40^0 морозах. Вы можете себе представить, в каком виде они приходили домой, пройдя нередко 1$^1/_2$—3 версты. Иногда рабочим, как уже указывалось, приходилось работать в скалистом грунте, который обычно взрывают посредством динамита. Приготовлением динамитных запалов занимались специалисты рабочие. К приехавшим в Бодайбо адво-

катам обращался за юридической помощью один из таких специалистов, получивший, атрофию спинного мозга. В 23 года этот специалист был стариком на костылях с потухшими глазами, дрожащими руками и согбенной спиною. Но независимо от того, в мокром или сухом забое, с скалистым или мягким грунтом производились работы, технические условия были тяжелы. И прежде всего они были потому тяжелы, что тачку с песком весом от 7 до 9 пудов приходилось отвозить от места работы к зумпфу на растоянии 40—150 саженей по отвратительным выкатам, держа 3/4 груза на руках. И затем тяжесть работ осложнялась плохим освещением и скверными лестницами-стремянками, которые вели в шахту. Насколько скверны были технические условия труда, можно судить по красноречивым цифрам несчастных случаев с рабочими в шахтах. Так, на Ленских приисках на каждую тысячу рабочих приходилось 164 6 увечий! Эту цифру надо увеличить, так как, с одной стороны, не все увечия регистрировались, с другой—приисковые врачи не находили потери трудоспособности у тех рабочих, у которых Иркутское врачебное отделение устанавливало 80 проц. потери трудоспособности. Когда приехала сенаторская ревизия Манухина, то ей при осмотре шахт пришлось константировать один недостаток за другим. Недочеты при устройстве шахт зафиксированы ревизией в актах от 6-го июня 1912 года, и удивительно то, что эти недостатки были обнаружены и на самом богатом прииске т-ва—Феодосиевском. «При осмотре шахт № 3 и 2 обнаружено, констатировала сенаторская ревизия, нижеследующее: в стволе шахты № 3 отсутствует лесоспуск, крепежный лес спускается в бадье. Вместо лестниц—стремянки. Стремянки не оборудованы освещением. В той-же шахте замечены непрочность и поломка выкатов, что может явиться причиною несчастных случаев. В шахте № 8 у зумпфа несмотря на большой приток воды, отсутствует обшивка у потолка» и т. д. без конца.

Этому тяжелому труду в адских условиях рабочий на Ленских приисках должен был отдавать согласно договора о найме 11 час. в день осенью и зимою в течение полугода с 1-го октября по 1 апреля, и 11½ час. весною и летом с 1 апреля по 1 октября. Правда, правилами внутреннего распорядка был установлен 10-ти часовой рабочий день. Но как мы увидим фактически рабочий день был значительно долее. Обычно работали две смены: дневная и ночная. Дневная смена начинала свою работу в 5 ч. утра по свистку. Оканчивалась работа в 6 час. вечера. На обед полагался часовой перерыв. Малейшее опоздание на работы каралось приисковой администрацией очень жестоко. Опоздавших рабочих переводили на верховые работы или на рытье канав. В первом случае горнорабочие, не имевшие теплой одежды, которая не нужна при работах в шахтах, должны были буквально мерзнуть на открытом воздухе при сибирских морозах, во втором—должны были стоять по колено в воде. Еще тяжелее была работа ночной смены, которая работала с 6-ти часов вечера до 6-ти час, утра. Насколько был велик рабочий день для тяжелых работ в шахтах, можно судить по тому, что сенаторская ревизия Манухина нашла необходимым сократить рабочий день в мокрых забоях с сильным притоком воды до 6-ти часов в сутки. Но . . . . фактически Ленским Т-вом был установлен рабочий день вопреки Горного Устава более чем в 10—11 часов, так как оставлять работы ранее свистка запрещалось, а спуск и под‘ем нескольких десятков и сотен рабочих по стремянкам уменьшал двухчасовой перерыв на обед, по крайней мере, на полчаса. Если к этому прибавить, что при шахтах не было раздевален и сушилок, и рабочие должны были, придя домой, тратить время на то, чтобы высушить мокрое платье и привести себя в порядок, то рабочий день еще более удлиняется. Здесь уместно отметить и то, что приисковая администрация оставляла по окончании работ некоторых рабочих класть в шах-

тах так-называемые пожоги что опять удлиняло рабочий день минут на 15, на 20. И наконец, массу времени у рабочих отнимала ходьба от казарм до шахт. Казармы, в которых жили рабочие, должны были переноситься по мере того, как подземные работы удалялись все далее и далее от них, по мере выработки золотоносных пород. Но такого переноса жилищ Ленское Т-во не делало. Вспомните, что некоторые казармы отстояли от приисков на расстоянии 3-х верст, и не забудьте, что дневная смена должна была четыре раза в день покрывать такие расстояния. Говоря о рабочем времени, мы должны отметить еще одно и последнее обстоятельство. Рабочий на Ленских приисках не знал почти совсем праздничных дней. Работая круглый год, он не имел права отказываться от праздничных и сверхурочных работ, за которые его обычно немилосердно обсчитывали, как об этом рассказывали некоторые лица из приисковой администрации, тайно, как Никодим, посетившие адвокатов, расследовавших события 4-го апреля.

После 11 или 11 с половиною часов работы в вышеописанных условиях рабочий шел отдыхать. Куда?—В свои казармы. О!... Если бы видели эти проклятые казармы, у вас сердце закипело бы и зубы заскрежетали бы злобою. Когда пишущий эти строки увидел и обошел казармы, он сделал такое заявление своим коллегам по расследованию Ленских событий: «Товарищи, нам здесь делать нечего, нам остается одно—посоветовать рабочим поджечь эти прогнившие вонючие здания и бежать из этого ада, куда глаза глядят». Конечно, мое свидетельское показание может показаться пристрастным. Другие свидетели находили эти жилища настолько прекрасными, что считали требование со стороны рабочих новых, лучших жилищ равносильным требованию постройки «альковов с розовыми фонарями» для жен рабочих. Во избежание разногласий в свидетельских показаниях, приведем некоторые цифры, которые говорят сами за себя. Уже

один внешний вид казарм говорил против них: стены покривились и поддерживались подпорками, в стенах и крышах щели, вместо вентиляторов дыры, заткнутые тряпьем. Стекла разбиты. Встречались казармы, одна половина которых была отведена под конюшню для лошадей, другая под жилье для рабочих. В этих казармах пол часто бывал ниже наружной почвы, вследствие чего весною и летом в казармы протекал жидкий навоз. Внутренний вид казарм таков: вдоль казармы шел корридор, в середине которого помещалась железная печка. Эта железная печка с тянущимися по всей казарме железными трубами была центром казарменной жизни рабочих. На ней варились обеды и ужины, около нее грелись продрогшие рабочие, над ней сушилось мокрое платье, обувь и онучи. Грязь с последних капала густыми и обильными каплями в готовившуюся тут же пищу. От печи поднимались густые испарения, которые, соединяясь с испарениями тела, отравляли атмосферу. Вдоль наружных стен шли каморки для рабочих. Каморки отгораживались одна от другой досками или горбылями или просто ситцем. Как общее правило, перегородки не доходили до потолка. Полы были все в щелях. С потолка сыпалась земля, во избежание чего рабочие подвешивали к потолкам свое платье.

Летом в казармах стояла невероятная духота, зимою невыносимый холод.

Рассказывали, что зимою по ночам волосы рабочих иногда примерзали к наружным стенам, Рамы—однорядные. Для семейных полагались нары такой величины: 1½—2 аршина в ширину и 2¾—3 арш. в длину. В такой семейной наре иногда жило 5—7 человек, муж, жена и дети, и обязательно один холостой рабочий.

На одной койке, если койкой можно назвать настельные доски, спал холостой, на другой вся семья. Тут же висели люльки для грудных детей. За недостатком нар—многие рабочие жили в корридорах. Хо-

лостой рабочий, живший в семейной наре, назывался «сынком», женщина, которая варила для него пищу, «матерью».

Часто в этой адской жизни между «матерями» и «сынками» устанавливались совсем другие отношения. Половые отправления между взрослыми совершались на главах детей. Мудрено ли, что при таких условиях, когда рабочие во время забастовки переродились, дети со своими циничными ругательствами были живыми отголосками бывшей когда-то здесь жизни. Летом рабочие предпочитали не жить в казармах, строили себе так-называемые «балагашки» и жили в них; («балагашками» назывались чуланчики, построенные из досок). Если обратиться к отчетам Ленского Товарищества, то окажется, чо стоимость казарм была давным-давно погашена. Несмотря на это, Ленское Товарищество не строило новых казарм, а предпочитало держать рабочих в старых, нарушая все требования, которые пред'являлись к жилищам для рабочих обязательным постановлением Присутствия по горнозаводским делам при Иркутском Горном Управления от 12-го июня 1908 г. По выезде Ленских рабочих с приисков, по распоряжению Губернской администрации, многіе казармы бызи сломаны, как опасные для жилья.

Заставляя рабочих жить и отдыхать в вышеописанных условиях, Ленское Товарищество «наделяло» рабочих в счет заработной платы продуктами такими же скверными, как и жилища. Конечно, закон не вменял рабочим в обязанность брать товары у Ленского Товарищества, но Товарищество ввело принудительную расплату товарами, отказывая в выдаче заработка наличными деньгами и ставя это условие одним из условий договора о найме. Чтобы рабочие не брали товары у местных лавочников (которых, кстати сказать, на приисках было от 4-х до 6-ти человек), администрация приисков окружила участки торговцев плетнем и поставила стражников для уловления рабочих, которые ходили за по-

купками. Уловленных ослушников Ленское Товарищество увольняло под тем предлогом, будто они ходили к лавочнику для продажи золота. Установленная Ленским Товариществом принудительная расплата с рабочими продуктами повела, с одной стороны, к снабжению рабочих недоброкачественными товарами, с другой—к недобросовестности и обвешиванию при отпуске товаров. Сотни свидетелей показывали, что мясо выдавалось рабочим недоброкачественное, с неудобоваримыми частями, с болячками, хлеб черствый из непросеянной муки, иногда с рогожными тряпками, иногда с навозом и т. д. Не брать этих недоброкачественных продуктов рабочий не мог.

«Не возьмешь, все равно запишем в книжку, как будто взял», так заявляли служащие Т-ва, заведующие отпуском товаров. Кроме недоброкачественности продуктов и обвешивания при отпуске было в наличии и отсутствие целого ряда продуктов, необходимых для питания в тайге. Особенно резко давало знать себя отсутствие капусты и лука. Отсутствие продуктов этих двух видов повело за собою, по отзывам специалистов-врачей, неимоверное количество заболеваний цынгой. Вид цынготных рабочих по-истине был страшен! Опухшие желтые лица, распухшие губы, шатающиеся зубы, вздутые десны, сонливая походка, общая слабость всего организма, вялость, полная неспособность к труду—вот главные характерные черты всех цынготных рабочих. Из них особенно сильно выделялся некий мусульманин Халилуллов, который представлял из себя развалину, в буквальном смысле этого слова. Картина питания рабочих была бы неполна, если бы мы не отметили еще одно обстоятельство; деление всех продуктов на два сорта, из которых один и, конечно, лучший отпускался служащим и другой—худший, рабочим.

Получая низкую заработную плату, работая 11 и $11^1/_2$ часов дня в каторжных условиях, прескверно питаясь и живя в сверх-антигигиенических условиях, рабочий на Ленских приисках имел одно «удоволь-

ствие»—посылать свою жену к служащим из приисковой администрации «для мытья полов». Таким своеобразным выражением на Ленских приисках называлась обязанность женщин удовлетворять похоть приисковой администрации. Из цитированного выше 12 п. договора о найме было видно, что рабочие обязывались посылать своих жен и детей на работу по требованию приисковой администрации. Этим противозаконным правом приисковая админвстрации широко пользовалась для своих гнусных целей. «Обычно делалось так, рассказывали рабочие, приедет обходной в казармы и кричит: «ты, такая-то, иди к такому-то мыть полы». Обходные в этих случаях лишь исполняли просьбы служащих, которым понравилась та или другая молодая, красивая баба. И женщина шла. Она не могла не итти, ибо, если не пойдеш, мужа рассчитают. Вы понимаете, конечно, что это такая область, на которую женщина, в силу присущей ей стыдливости, могла при допросе ее только намекать. Иногда эти намеки принимали более определенный характер. Так было во время забастовки, когда одна из представительниц женщин, Зарецкая, явилась к окружному горному инженеру Тульчинскому и под влиянием момента рассказала ему более, чем обычно рассказывали женщины. Над какой бездной унижений и оскорблений приоткрыла завесу Зарецкая, можно судить по тому факту, что Тульчинский, выслушав Зарецкую, схватился за голову и воскликнул: «Какой ужас, какой кошмар был у нас, а мы так мало знали о нем!». Тульчинский посоветовал Зарецкой обратиться к товарищу прокурора Преображенскому, 2-го апреля Зарецкая была у Преображенского, который обещал ей произвести расследование, но никакого расследования не произвел. Сами женщины так говороли о своем положении на приисках: «У нас все на открытое делается, и жаловаться не к кому пойти; управляющий говорит: если боишься, то и в тайгу нечего итти, ибо жизнь здесь развратная; особенно плохо девушкам подросткам,

почти нет не испорченных, их тоже «на мытье полов» посылают; в казармах зимою в отдых, по ночам—пьянство, поножовщина и всякое бывает». Кроме «мытья полов» у служащих женщины исполняли работы на поверхности земли. За эту работу они получали две трети платы по таксе, установленной для мужчин-рабочих. На обязанности же женщин лежало безвозмездно заботиться о содержании в чистоте и порядке помещений, где жили рабочие. Все эти работы женщины должны были исполнять независимо от состояния их здоровья. Так, Анастасья Романова, несмотря на представленную ею записку доктора о том, что она не может исполнять работу (Романова была накануне родов), была назначена на работу—таскать камни для фундамента строившейся в то время на Васильевском прииске электрической станции. Проработав два дня, Романова занемогла и родила мертвого ребенка. Таково было положение женщин на приисках.

Из предыдущего обзора было видно, какая масса несчастных случаев происходила на Ленских приисках и как велико было число заболеваний цынгой. Поэтому необходимо остановиться на том, как Ленское Т-во организовало медицинскую помощь. Об этой стороне дела в свое время подробно докладывал окружной инженер Тульчинский в своем отчете за 1910-ый год. Ленское Т-во, вопреки обязательного постановления, согласно которому оно должно было содержать пять врачей, содержало только одного. Под наблюдением этого единственного врача находились четыре больницы и четыре приемных покоя, раскинутых на очень значительных расстояниях друг от друга. Правда, впоследствии Ленское Т-во довело число врачей до нормы. Но произведенная 18 мая 1912 года городским врачем г. Бодайбо Линдингом и чиновником особых поручений при иркутском губернаторе А. Б. Майшем ревизия больниц и приемных покоев Ленского Т-ва обнаружила, в каком антисанитарном состоянии находились эти

больницы и приемные покои. Так оказалось, что заразная сифилитическая больница и палата умалишенных находились в одном бараке, в одной из больниц была обнаружена рожистая больная и около нее здоровый сынишка 10-ти лет; больная и здоровый спали на одной кровати, белье хранилось в кладовой вместе с пищевыми продуктами и т. д.

Условия труда на Ленских приисках были бы неполно освещены, если бы мы не сказали хоть несколько слов о роли так-называемого под'емного золота в жизни рабочих. Под'емным золотом называется то золото, которое рабочие находят в виде самородков. Как было указано выше, надежда найти кучу золота являлась одной из причин, почему рабочие ехали в тайгу. В свое время на приисках существовал такой странный обычай. Рабочий должен был опускать найденное им золото в особую запечатанную кружку, находящуюся под наблюдением нарядчика в каждом забое. За опущенное в кружку золото Ленское Т-во платило рабочему, нашедшему золото,по 3 рубля 60 коп. за золотник. Как известно, цена золота при сдаче его в Государственный Банк была в то время 4 рубля 87 копеек, частные скупщики покупали золото по 4 руб. 60 коп. И само Ленское Т-во платило рабочему, принесшему золото в магазин Т-ва, 4 руб. 41 коп. за зололотник, превращаясь таким образом из работодателя в скупщика. Понятно, что при таких ценах рабочие старались всякими способами скрыть найденное золото, не опустить его в кружку и тем или иным путем принести его к частному скупщику, который платил дороже, чем Т-во. Необходимо заметить, что согласно существовавшему в то время закону золото могло свободно покупаться и продаваться. И как ни странно, под'емное золото, при помощи которого рабочие мечтали улучшить свое материальное положение, сделалось могучим средством в руках Ленского Т-ва против рабочих. Каким образом? Сейчас это будет об'яснено. Дело в том, что не все прииски, не все забои в одном и том же прииске были богаты под'ем-

ным золотом. Ко времени забастовки под'емного золота вообще было мало, так как работы производились главным образом, в пластах с мелким золотом. Крупное золото было только на приисках Феодосиевского Управления. Этим обстоятельством и воспользовалось Ленское Т-во. Чтобы разделить рабочий класс на две враждующие группы, создать хоть небольшое ядро из рабочих, которое было бы предано ему всецело, Т-во стало практиковать такую систему. Оно ставило своих избранных на работу в забои с крупным золотом и массу рабочих в забои с мелким золотом. Эта несправедливость сильно возмущала рабочих, но зато она, несомненно, создавала вокруг приисковой администрации ядро приверженцев, которые были преданы ему не за страх, а за совесть. И, наконец, под'емное золото было одним из поводов к дальнейшему ухудшению положения рабочих на приисках, ибо в целях борьбы против нахождения рабочими большого количества под'емного золота, Т-во, с одной стороны, увеличивало надзор за рабочими во время работ, с другой—уменьшало освещение шахт, которое и так было скудно.

Над рабочими стояла приисковая администрация, которая возглавлялась упомянутым Белозеровым. Белозеров жил четыре летних месяца на приисках и остальное время в Петербурге. Его замещал инженер Теппан. Все чины высшей администрации получали большое жалование и кроме того так называемое попудное вознаграждение. В 1911 году Белозеров получил такого попудного вознаграждения 83.520 рублей. Все прииски были разделены на три дистанции. Во главе каждой дистанции стоял управляющий. Управляющий дистанцией имел в своем распоряжении целый штат смотрителей, нарядчиков, старших рабочих по горной части, становых, надворных, обходных и служащих по административно-хозяйственной части. Насколько велик был этот штат, можно судить по тому факту, что на Ленских приисках на каждые 10 рабочнх приходилось по одному служащему. Что это значит? Это значит, что

рабочий должен был создавать не только ту головокружительную прибыль, о которой мы говорили, но и содержать бесконечное количество своих врагов. Да, врагов, ибо служащие Ленского Т-ва не имели права ни разговаривать с рабочими, ни посещать их жилища, и должны были быть по отношению к рабочему грубы, взыскательны и требовательны. При помощи громадного штата приисковой требовательной администрации Ленское Т-во довело выработку золотоносного песку до небывалых размеров. Из журнала шахты № 48 Феодосиевского прииска видно, что перед забастовкой принуждали рабочих вытаскивать около 240 бадей песку в денную смену. Между тем как в 1911 году рабочие за то же время вытаскивали максимум 160—180 бадей. В этом постоянном подгонянии рабочих к напряженному труду Ленское Т-во опиралось, кроме своего штата служащих, и на полицию. Пользуясь тем, что оно платило пособие на содержание горной стражи, Ленское Т-во, в качестве ленного княжества, назначало в шахты стражников, которые там поддерживали его интересы. Таким назначением стражников в шахты Ленское Т-во превращало шахты из места частно-предпринимательской работы в место публичное и охраняемое государством. Когда Иркутский губернатор Ф. А. Бантыш во время ревизии сделал распоряжение не назначать более стражников в шахты, то он вызвал против себя большое негодование со стороны Ленского Т-ва, которое, давая полиции квартиры, довольствие и разные награды, привыкло считать полицию своим органом.

Третья сила — павшее ныне царское самодержавие проявило себя, главным образом, во время забастовки. Из периода до забастовки необходимо отметить здесь лишь следующие характерные факты: первое—близость старого центрального правительства к правлению Ленского Т-ва, и второе—давление центрального правительства в интересах Т-ва на своих низших чиновников.

Близость старого центрального правительства к правлению Ленского Т-ва выражалась прежде всего в личной унии, которой были связаны правительство и правление Т-ва. Так, один из видных чиновников Государственного Банка некий г. Бояновский был одновременно и членом правления Лензото. Если мне не изменяет память, один из бывших когда-то министров царского правительства г. Тимирязев был одно время председателем правления Ленского Т-ва. Между С. Ю. Витте и министром торговли и промышленности г. Тимашевым, с одной стороны, и г. Белозеровым—с другой, существовали самые дружественные отношения. После вышеприведенных указаний становится вполне понятным, почему Государственный Банк нарушал свой устав, идя навстречу всем незаконным требованиям Ленского Т-ва об увеличении кредитов.

Местные правительственные власти видели воочию все, что творится в пределах Ленского Т-ва. Но часть из них молчала в своих своекорыстных целях, часть доносила по начальству, но глас этой части оставался гласом вопиющего в пустыне.

Центральное правительство предпочитало верить тем сведениям, которые оно получало неоффициально от своих друзей из состава Правления Ленского Т-ва, а не тем оффициальным донесениям, которые давали ему оффициальные его представители с мест. Еще в 1910 году окружный горный инженер Тульчинский докладывал министерству торговли и промышленности о том, что «в России вообще и в частности в Восточной Сибири, при малом развитии капитализма, борьба з возникающими трестами лишь намечается, но для Витимского Горного Округа и соседнего с ним Олекминского создавшийся трест в лице Ленского Т-ва становится жгучим вопросом текущего дня»... «Окружный инженер», писал Тульчинский, «отлично сознает, что на нем, как на главнейшем местном представителе правительственной власти, лежит сложная задача следить и принимать своевременно законные меры к тому, чтобы

монополизированная деятельность Ленского Т-ва не принимала *слишком вредного направления* в ущерб дальнейшему развитию местной золотопромышленности, и чтобы между приисковой администрацией и рабочим людом постоянно удерживались нормальные отношения, основанные на законности, порядке и справедливости».

Но министерство торговли и промышленности не обращало никакого внимания на эти указания своих агентов. И больше, оно оказывало давление на своих чиновников в интересах Ленского Т-ва. Ярким показателем такого давления служит следующий факт. Когда Тульчинский, видя, как на каждом шагу Ленским Т-вом нарушаются законы по охране труда, сделал попытку заставить приисковую администрацию соблюдать законы, тогда министр торговли и промышленности Тимашев предложил Тульчинскому частным письмом от 11-го июня 1911 года за № 3 не придираться к Ленскому Т-ву. В этом письме министр писал: «До сведения г. министра дошло, что деятельность ваша по осуществлению горного надзора ставит Ленское Т-во в столь тяжелые условия, что, если неудовлетворительные отношения между Горным надзором и администрацией Т-ва не изменятся к лучшему, предприятие это вынуждено будет закрыть свои менее богатые прииски и ограничиться разработкою только Феодосиевского. Указанные тяжелые условия создались, повидимому, главным образом, потому что вы... почти совершенно игнорировали интересы предприятия. Подрывая престиж и дисциплину в дальней тайге, вы восстановили против себя всех старших служащих, а также всех врачей... Судя по имеющимся данным, местное заведывание этим делом (Ленского Т-ва. А. Т.) находится в руках опытного администратора, лично известного министру, репутация которого сама по себе является порукой... надлежащего урегулирования отношений между предприятием и рабочими» и т. д. все в том же духе.

Более яркое давление государства на своих агентов в интересах частного капиталистического предпри-

ятия трудно себе представить. В этом письме есть все: и обвинение своего агента в самом страшном преступлении в то время—подрыве престижа и дисциплины, и указание на неспособность агента, который восстановил против себя приисковую администрацию, и сопоставление неспособного чиновника с лично известным министру ценным администратором (речь, несомненно, идет о г. Белозерове. А. Т.), который помимо горного инженера может установить хорошие отношения с рабочими, и указание на неоффициальный путь, идущий из источников Ленского Т-ва, которым министр информируется о положении дел в дальней тайге и т. д. и т. д.

Так было на Ленских приисках. Так было в Петербурге. Все, что было там и здесь, говорило о том, что такое положение вещей далее продолжаться не может. Рабочие рано или поздно должны были поднять свой голос против крепостных кабальных отношений, сложившихся на приисках Ленского Т-ва, против бесконечного ряда оскорблений и издевательств, против Белозеровско-Тимашевского режима.

Нужен был только повод.

Таким поводом к протесту рабочих послужила выдача 25 февраля 1912 года рабочему Андреевского прииска Быкову 10-ти фунтов недоброкачественного мяса, в котором оказался конский половой орган. 28-го февраля этот факт был зафиксирован в протоколе полицейского дознания, составленном урядником Маньковым, а впоследствии был признан на суде представителем Лензото, бывш. присяжн. поверенным А. Н. Переломовым.

Весть о том, что одному рабочему было отпущено мясо вместе с конским удом, быстро облетела все прииски и казармы.

29-го февраля рабочие Андреевского прииска не вышли на работу, решив добиваться от промыслового

управления обещания выдавать впредь лишь доброкачественное мясо, гарантией чего должно было, по мнению рабочих, служить увольнение того кухонного старосты, которого они считали виновником отпуска недоброкачественного мяса.

Вот те два более, чем скромных, требования, которые были пред'явлены рабочими Андреевского прииска в первый день забастовки. Этим требованиям суждено было стать той искрой, которая, разгоревшись в пламя, осветила мрачный лабиринт того невыносимого положения, в котором жили и работали Ленские рабочие.

Оба эти требования были отклонены—одно потому, что рабочим будто бы всегда выдавалось и выдается и так доброкачественное мясо, другое потому, что рабочие не имеют права требовать увольнения кого-либо из служащих.

Такой ответ был дан рабочим и. о. главноуправляющего приисками Теппаном и инженером Цинбергом сначала в устной, затем в письменной форме, причем тот и другой предложили рабочим заявить свои требования письменно.

Между тем пришедшие к Андреевцам рабочие других приисков просили забастовавших не торопиться с пред'явлением требований, так как забастовка, по их мнению, должна принять более широкие размеры.

И действительно, уже 29-го февраля к забастовке на Андреевском прииске примкнули рабочие Утесистого прииска, а 1-го и 2-го марта Пророко-Ильинского, Успенского, Васильевского и Александровского, и наконец 3-го марта—Феодосиевского прииска.

Забастовка таким образом захватила всю массу рабочих, раскинутую на территории в несколько десятков верст.

2-го марта, тем же Теппаном было предложено рабочим избрать из своей среды выборных для переговоров с администрацией. Предложение это было поддержано становым Аленгольмом.

3-го марта рабочие собрались отдельно по каждому прииску и выбрали, согласно предложения промыслового управления, представителей для переговоров с администрацией.

Так одновременно с забастовкой создался и орган, который волею промыслового управления стал во главе забастовки.

Забегая вперед, укажем, что вскоре после создания института выборных, создалась еще одна рабочая организация, так-называемых старост, которые были избраны на собраниях обитателей каждой казармы. Если институт выборных был военным штабом, который руководил действиями рабочих по отношению к предприятию и власти, то институт старост был тем органом, который следил за повседневной жизнью рабочих в их взаимных отношениях друг к другу. На обязанности старост лежало следить, чтобы казармы по ночам окарауливались, чтобы рабочие не пили водку и т. д.

Итак, 3-го марта рабочая масса Ленских приисков получила свою организацию и вступила в борьбу с Лензото. За что? Во имя каких целей? Ответ на этот вопрос дают те 18-16 требований, которые были выработаны и пред'явлены от имени рабочих промысловому управлению 3-го марта. Если обратиться к разбору этих требований, то окажется, что из 18-ти требований—15—16 были направлены на то, чтобы заставить Ленское Т-во исполнять правила, установленные Горным Уставом и обязательными постановлениями. Эти требования касались доставления рабочим доброкачественных с'естных припасов, нормальных жилищных условий, правильного подсчета сдельной работы, выдачи заработной платы деньгами, а не талонами, достаточной медицинской помощи, праздничного отдыха и т. д. И только три требования были требованиями в собственном смысле этого слова. Одно из них касалось повышения заработной платы на 30 проц. на поденную плату ниже 1 рубля 50 коп. в

день, 20 проц. на плату от 1 рубля 50 коп. до 2-х рублей 50 коп. и 10 проц. на плату свыше 2 рублей 50 коп. Другое—введение восьмичасового рабочего дня. И третье—увольнение тех служащих, поведение которых лишало рабочих возможности спокойно работать и вынудило к забастовке. К этим требованиям было прибавлено, по предложению одного из выборных,—гарантия представителей рабочих от преследования их приисковою и общею администрациею.

Из перечисленных требований видно, что рабочие массы на Ленских приисках в 1912 году выступили в защиту существовавших в то время законов, правил и обязательных постановлений, которые были постоянно нарушаемы Ленским Товариществом. По крайней мере 5/6 требований рабочих говорят об этом.

Вот, почему тогда же, третьего марта, рабочие поручили своим представителям задать окружному горному инженеру Александрову вопрос о том, кто,—Ленское Товарищество или рабочие, нарушили договор о найме? На чьей стороне, рабочих или Ленского Товарищества, правда? На этот вопрос Александров, по словам рабочих, дал вполне успокоительный ответ, что договор о найме нарушен Ленским Товариществом, так как оно не выполнило условий договора об отпуске рабочим доброкачественных продуктов, о расчете деньгами, а не талонами и т. д.

Впоследствии, как будет видно, рабочие неоднократно обращались к этому мучившему их вопросу и ставили его на разрешение самых разнообразных учреждений и лиц. И всякий раз они получали ответ, аналогичный ответу, данному инженером Александровым.

Как же реагировало на требования рабочих Правление Ленского Товарищества?

На этот вопрос отвечает та срочная телеграмма, которая была послана Правлением Товарищества на имя иркутского губернатора 5-го марта за № 2386, сейчас же, как только ленцам стало известно о тре-

бованиях рабочих В виду того, что эта телеграмма говорит лучше, чем всякое ее толкование, мы приводим содержание ее дословно. Так мы будем делать и впредь в аналогичных случаях. Вот содержание этой телеграммы: «Забастовка на приисках Ленского Товарищества охватила все прииски Бодайбинского района *и грозит перейти на железную дорогу и правительственный телеграф*. Рабочие на 4-ый день забастовки пред'явили ряд неосуществимых требований. Правление, будучи лишено возможности удовлетворить их, будет вынуждено, в случае упорства бастующих, прекратить все работы и рассчитать всю команду. Самый характер требований, а также общее поведение рабочих ясно указывает на то, *что забастовка возникла на почве квалифицированной агитации и поддерживается агитаторами*. Крайне слабая охрана, имеющаяся в округе не может обеспечить ни порядка, ни целости приискового имущества, в том числе его складов и магазинов. В интересах как дела, так и самих рабочих, которые могут в случае порчи имущества лишиться на долгое время значительного заработка, *убедительнейше просим ваше превосходительство оказать скорейшее содействие к посылке из Киренеса на подводах, хотя бы за счет Товарищества, достаточного числа солдат, для предотвращения беспорядков, а также о немедленном удалении из приискового района политически неблагонадежного элемента*».

И вслед затем, того же 5-го марта за № 2799 Правление Товарищества телеграфировало тому же иркутскому губернатору о том, что «бастующие угрожают полным разгромом приискового имущества, что местные власти бездействуют, что Правление убедительно просит ускорить исполнение просьбы, выраженной в телеграмме № 2386» (которая только что была была цитирована).

Опуская многое из того, что можно было бы сказать по поводу этих двух телеграмм, остановимся не-

надолго на том плане, который начертало Правление Товарищества для борьбы с рабочими.

Первая часть этого плана состояла в том, чтобы убедить правительственные власти в следующем: что забастовка политическая, что она возникла на почве квалифицированной агитации политически неблагонадежных элементов, что она грозит перейти на железную дорогу и правительственный телеграф (рабочие которых, отметим, ни в какой связи с рабочими приисков не были и не могли быть), что приисковые рабочие являются преступниками, которые стремятся к разгрому приискового имущества и в частности складов и магазинов.

Насколько слабо, насколько клеветнически были построены обвинения против рабочих, видно хотя бы из того, что горный исправник Галкин почти одновременно доносил иркутскому губернатору о том, что «забастовка рабочих возникла на почве нарушения Ленским Товариществом условий договора о найме, что забастовавшие рабочие жалуются на отпуск плохого мяса, прокислого кваса, неправильные подсчеты сдельной работы, грубое обращение служащих и т. д. и что рабочие ведут себя тихо и что беспорядков нет».

В частности, насколько грубо было подделано обвинение рабочих в преступном посягательстве на приисковое имущество, видно из того, что Правление Товарищества еще 4-го марта за № 2293 послало телеграфное распоряжение Теппану «прекратить водоотливы», результатом каковой меры, если бы она была осуществлена, было бы затопление шахт и порча приискового имущества правда, не того, о котором говорило в своей телеграмме Правление. Итак, как мы видим, действительные преступники, питающие преступные цели, были не на приисках, а в Петербурге, и не среди рабочих, а среди Правления Т-ва.

И вот что еще более надлежит подчеркнуть. Охрану водоотливов от покушения на них со стороны Лензото взяли на себя рабочие. Это они 5-го

марта телеграфировали иркутскому генерал-губернатору вмешаться в забастовку и принудить Ленское Товарищество взять обратно распоряжение о затоплении шахт. Это они, рабочие, во все время забастовки ставили караулы около водоотливов.

Вторая часть плана, начертанного Правлением Ленского Товарищества и выполненного впоследствии начальством всех рангов, заключалась в удалении с приисков политически - неблагонадежных элементов и агитаторов и вызове войск. Первая мера должна была дезорганизовать, вторая—терроризировать и, если нужно будет, подавить рабочую массу силою штыка.

Вся последующая деятельность Ленского Товарищества вращается вокруг этого плана подобно тому, как поведение рабочих вращается вокруг вопроса найти правду.

Желая разрешить поставленную задачу, Правление Ленского Т-ва проявило необыкновенную настойчивость и упорство. Несомненно, оно каждый день оказывало давление и на министерство торговли и промышленности и на департамент полиции и инструктировало свою приисковую администрацию.

В результате этих домогательств и инструкций из Петербурга в Иркутск полетели телеграммы на имя командующего войсками, губернатора, прокурора судебной палаты и т. п. Содержание всех этих телеграмм било в одну цель. 7-го марта министр торговли и промышленности Тимашев телеграфировал иркутскому командующему войсками буквально следующее: «В виду всеобщей забастовки на приисках Ленского Золотопромышленного Т-ва и в предупреждение возникновения беспорядков, могущих привести в расстройство крупнейшее золотопромышленное предприятие, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство, не признаете ли возможным озаботиться усилением воинской команды в районе приисков Т-ва». 11-го марта за № 28336 департамент полиции в лице б. и. о. директора Белецкого телеграфом запрашивал иркутского

губернатора о том, «не следует ли командировать для надлежащего освещения положения дел на месте кого-либо из высших должностных лиц». И тринадцатого марта за № 32735 тот же департамент полиции запрашивал того же губернатора о том «какие меры приняты им по охране приискового имущества военною силою, так как, по заявлению Правления Т-ва, приисковое имущество находится в полной беззащитности, а местная команда—недостаточна». Надо ли говорить о том, что запрос д-та полиции в то время был равносилен и подсказу и распоряжению.

Удивительней всего то, что и местная власть, начиная с 8-го марта стала телеграфировать в Иркутск в том же духе, в каком телеграфировал и Петербург.

Очевидно, сдвиг местной власти произошел под давлением приисковой администрации. Так, 8 марта Витимский горный исправник по соглашению с окружным инженером Александровым доносил: «Забастовка продолжается... Насилий пока нет, но положение с каждым днем принимает угрожающий характер. Средств, достаточных для ликвидации могущих возникнуть беспорядков, не имеется... Установить правильную охрану наличными силами невозможно... Находим необходимым присылку на прииски из Киренска солдат... Расходы по перевозке солдат Лензото принимает на свой счет».(Еще-бы! *Автор.*) Юрисконсульт Ленского Т-ва б. присяжный поверенный Иванов телеграфно доносил прокурору Иркутской судебной палаты г. Нимандеру о том, что на собрании бастующих рабочих произносятся речи на *политические темы*, «зажигательного» характера и т. д. и т. д. Всех телеграмм не перечислить. Насколько телеграммы соответствовали действительности, мы видели выше. Отметим здесь еще один крайне интересный факт, служащий хорошей иллюстрацией той лжи, которую распространяли про рабочих телеграммы. Горный исправник Галкин, которому было поручено

прокурором судебной палаты произвести в связи с телеграммой пр. пов. Иванова дознание, вынужден был констатировать три следующие факта: 1-й, что Иванов не мог указать ни конкретных обстоятельств, ни определенных лиц, которые произносили «зажигательные» речи; 2 ой, что допрошенный по ссылке Иванова подрядчик Горяев показал, что ему, Горяеву, пришлось только однажды слышать речи рабочих, которые говорили лишь о необходимости вести себя хорошо во время забастовки; и 3-й, что разговор Горяева с Ивановым происходил после отправки Ивановым телеграммы г. прокурору.

Предпринятая Правлением Ленск. Т-ва кампания по проведению начерченного им плана действий дала положительные результаты. Из Киренска в г. Бодайбо выехали на подводах солдаты, а из Иркутска тов. прокурора Окружного Суда г. Преображенский.

Подстрекая Правительство на осуществление своего плана, Правление Т-ва вместе с тем дало директивы своим агентам на приисках—игнорировать рабочих. В исполнение этих директив Главное Промысловое Управление восьмого марта об'явило, что оно *«от дальнейших переговоров с забастовавшими рабочими отказывается»*, считает, что «со стороны рабочих нарушены условия найма, и предлагает всем рабочим, не вышедшим на работу, явиться в надлежащие конторы за получением причитающихся им денег и документов. И. о. Главнупр. инженер Теппан». А окружный инженер Олекминского Горного Округа Александров восьмого марта к этому об'явлению добавлял: «так как приисковые рабочие по моему требованию и предложению Управления в назначенный срок к работам не приступили, то они подлежат ответственности по ст. 367 Уг. Ул. (заключению к тюрьме), те же из них, которые возбуждают рабочих к продолжению стачки, будут нести ответственность по

пункту 3 ст. 125 того же Улож. (заключению в Исправит. доме или крепости»).

Забастовка, следовательно, приняла в этот период такой характер. Рабочие уперлись в стену молчания со стороны Ленского Т-ва, а последнее, пользуясь содействием правительственной власти, накопляло силы на приисках.

Так продолжалось до 17, 18 и 19 марта, когда произошло два крупных события, из которых каждое имело свои последствия.

Желая ускорить ликвидацию забастовки, Правление Ленского Т-ва предложило своему юрисконсульту в г. Бодайбо пред'явить к рабочим иски о выселении из казарм и приисков, а Промысловому Управлению— прекратить отпуск рабочим пищевых продуктов. Другими словами, Правление решило выгнать среди зимы несколько тысяч рабочих с их женами и детьми на мороз без всякого довольствия, при полной невозможности выехать куда-либо до открытия навигации.

Иски были пред'явлены с молниеносной быстротой.

А 16 и 17 марта состоялись уже решения мирового судьи Хитуна о выселении рабочих. В этих решениях мировой судья писал, что «самым фактом отказа рабочих выходить на работу, договор рабочих Ленского Т-ва с рабочими должен считаться нарушенным по вине последних, вследствие чего отпадает и обязанность Ленского Т-ва предоставлять жилище рабочим».

Одновременно последовало и распоряжение приисковой администрации не выдавать продовольствия забастовавшим рабочим.

18 и 19 марта решения мирового судьи начали приводиться в исполнение.

Легко себе представить, какое возбуждение царило среди рабочих по поводу предпринятых против них мер. Это возбуждение усиливалось тем, что выселение рабочих совпало с праздником Вербного Воскре-

сения. Когда 18 марта пришел урядник со стражниками выселять первую небольшую партию рабочих, все запротестовали, говоря так: «В Вербное Воскресение, когда все Христа торжественно встречали, вы выселяете; для этого есть будни». Когда же на следующий день 19 марта горный исправник Галкин с частью воинской команды отправился снова выселять рабочих, то оказалось, что в казармах нет ни одного рабочего. Оставшиеся женщины об'яснили, что все рабочие отправились на Надеждинский прииск для расчета.

Здесь необходимо отметить то обстоятельство, что в этот день произошла первая встреча рабочих с солдатами. Галкин заметил, что со всех казарм рабочие стекаются к Надеждинскому прииску, к которому с одной стороны шли Александровцы, с другой—Феодосьевцы. Массы все росли.

На вопрос Галкина: «зачем они собираются»—рабочие ответили, что хотят просить Теппана отсрочить выселение до рассмотрения окружным инженером их претензий; в случае несогласия его на это, они будут просить выдать им расчет по срок договора, т.-е. по 10 сентября 1912 г. Феодосьевцы просили разрешения собраться им совместно с Александровцами. В этом им было отказано. Теппан явиться к рабочим не пожелал. Тогда Галкин попросил разойтись. И рабочие разошлись. Таким мирным исходом дела остался очень недоволен шт. капитан Санжеренко, который заявил Галкину буквально следующее: «Жаль, не пришлось и рук погреть».

Дальнейшее осуществление адского плана Ленэолото было на время прервано, так как в дело вмешался иркутский губернатор, который потребовал через горного исправника отсрочить выселение рабочих до открытия навигации и обязать Ленское Т-во выдавать рабочим пищевое довольствие на прежних основаниях до прекращения забастовки или до выдворения рабочих с приисков.

Не так к просьбе рабочих отнесся окружной инженер Александров. В своем об'явлении от 10-го марта он писал: «Мне сообщали, что забастовщики обещали прокармливать за свой счет тех неимущих, которые примкнут к забастовке, поэтому я рекомендую забастовавшим рабочим исполнить свое обещание».

Если так зло смеяться над беспомощностью рабочих позволял себе оффициальный представитель власти в оффициальном об'явлении, то можно себе представить, до какого глумления над массами доходили служащие Лензото.

Надо ли говорить, что предпринятые Ленским Т-вом против рабочих меры—выселение и прекращение выдачи пайка внесли новые ноты в доселе мирный ход забастовки, посеяв в рабочих большое озлобление.

В описываемое время однако произошло одно крупное событие, которое дало моральную поддержку бастовавшим рабочим. Именно, 17 и 18 марта в Иркутске происходили заседания Иркутского по Горнозаводским делам Присутствия, которое вынесло целый ряд постановлений, касающихся забастовки. В виду важности этих постановлений, они приводятся полностью.

«В экстренном заседании своем 17—18 марта 1912 года Иркутское Горнозаводское Присутствие, обсудив на основании телеграфных донесений инженера Олекминского Горного Округа обстоятельства, вызвавшие рабочие волнения и стачку рабочих на промыслах Акционерного Общества Ленского Золотопромышленного Товарищества, и приняв во внимание, с одной стороны, сообщения иркутского гражданского губернатора, получаемые от горного исправника Витимского Горно-Полицейского Округа, и с другой стороны, основываясь на перечне уступок, имеющих быть сделанными Промысловым Управлением Ленского Товарищества рабочим, в случае их выхода на работу, постановило:

1) Признать, что договор между Управлением Ленского Товарищества и приисковыми рабочими нарушен по вине первой из борющихся сторон, и самое нарушение выразилось в следующем: а) в отпуске рабочим недоброкачественной пищи и на разных условиях со служащими; б) в негигиенических условиях устройства рабочих казарм, вопреки неоднократным по этому предмету обязательным постановлениям Иркутского Горнозаводского Присутствия; в) в промедлении подачи медицинской помощи; г) в грубом обращении служащих с рабочими; д) в зачислении в разряд горнорабочих—рабочих, нанятых по профессиям.

2) Во избежание недоразумений между рабочими и Управлением Ленского Товарищества, последнее обязано: по пункту а) отдела 1 ого: 1) хлеб должен отпускаться просевной одного качества для рабочих и служащих по цене, утвержденной окружным инженером; 2) мясо должно быть доброкачественное, напр., не обветренное, не перележалое в подвалах, и отпускаться на равных условиях со служащими; 3) квас должен приготовляться из свежего квасника, густой, некислый; 4) Ленское Товарищество обязано иметь запасы в амбарах в достаточном количестве картофеля, капусты и соленой рыбы, во избежание цынги; 5) наблюдение за точным выполнением п. п. 1, 2, 3 и 4 отдела 2-го настоящего постановления вменяется в обязанность приисковововому медицинскому персоналу под обязательным контролем Горного Надзора и Полиции.

По пункту б) отд. 1-ого: 1) медицинская помощь должна быть строго согласована с существующими обязательными постановлениями; 2) бани для рабочих должны протапливаться с таким расчетом, чтобы все рабочие имели возможность ими воспользоваться не менее одного раза в неделю и сообразно с этим, должен быть установлен размер бань.

По пункту в) отд. 1-ого: служащие и нарядчики обязаны вежливо обращаться с рабочими. Привлечение

служащих рабочими к суду за побои и оскорбление не должно вызывать удаления и притеснений со стороны приискового управления.

По пункту г) отд. 1-го: рабочие, нанятые по профессиям, без добровольного соглашения, не должны быть назначаемы в нагорные и верховые работы.

3) Степень опасности для здоровья и продолжительность работы в мокрых забоях, в случае разноречий, разрешаются на точном основании пункта 4-го инструкции по применению закона 1-го июня 1897 года, утвержденной Министерством Земледелия и Государственных Имуществ. В мокрых забоях рабочие обязательно должны быть снабжены за счет Ленского Товарищества прочной непромокаемой одеждой, кожаными или брезентными куртками, шароварами, крепкими сапогами и шляпами. Исправное состояние одежды лежит на ответственности управления.

4) Пищевое довольствие рабочим натурою при увольнении зимою должно производиться согласно нормам, указанным в обязательном постановлении Томского Горного Управления для Енисейского Горного Округа или, по усмотрению Окружного Инженера, заменяться денежным вознаграждением в размере 60-ти копеек в день с расчетом расстояния до Киренска из времени, считая на проход не свыше 30-ти верст в сутки.

5) В подтверждение существующего обязательного постановления, Горнозаводское Присутствие находит необходимым: а) рабочие должны быть немедленно размещены в существующих казармах отдельно семейные от холостых, при достаточном количестве воздуха на человека; б) Ленское Товарищество обязано построить новые казармы в дополнение к существующим на тех приисках, где существующие казармы не удовлетворяют требованиям обязательных постановлений.

6) Иркутское Горнозаводское Присутствие напоминает окружным инженерам о точном и неуклонном

соблюдении статьи 99-ой Устава о Промышленности (этой статьей запрещалась расплата с рабочими вместо денег талонами, другими условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами. *А. Т.*).

7) При окончательном расчете расчетная книжка должна быть возвращена рабочему.

8) Женщины, если то не обусловлено договором, не должны наряжаться на работы принудительно, а в случае отказа от работы—подвергаться стеснениям со стороны Управления.

9) Кроме вышеизложенного, Иркутское Горнозаводское Управление полагало бы:

а) вследствие особого значения для края столь сильной промышленной организации, какой является Ленское Товарищество, в интересах государственных существенно необходимо достижение миролюбивого соглашения между рабочими и управлением, путем взаимных уступок, а главным образом, путем увеличения заработной платы рабочим со стороны Товарищества.

б) в случае недостижения такого рода соглашения Ленское Товарищество обязано, в силу статьи 770-ой первой части тома X произвести расчет рабочих по срок найма, снабдив их путевым довольствием натурою или деньгами, согласно отд. 4-му настоящего постановления.

в) в виду исключительности создавшегося положения, Ленское Товарищество должно довольствовать рабочих за их счет, и по установленному порядку до времени окончательного расчета, который произвести перед отправлением рабочих Товариществом до города Киренска.

Постановление Иркутского по Горнозаводским делам Присутствия является блестящим обвинительным актом не только администрации Лензото, но и общей администрации, в том числе Горного надзора.

Это постановление, о котором рабочие получили сведения, как они и ранее получили сведения о распоряжении Правления Ленского Т-ва прекратить во-

доотливы, укрепило рабочих еще более в правоте начатого дела, так как оно подтверждало все обвинения против Ленского Золотопромышленного Т-ва, причем подтверждение это исходило от такого учреждения, которое близко знало положение дела на Ленских приисках, и вместе с тем не могло быть заподозрено в пристрастном отношении ни к Ленскому Товариществу, ни к рабочим.

Конечно, это постановление мало или вернее совсем не изменяло отношения центральной правительственной власти, в том числе и бывшего тогда министра внутренних дел Макарова, к забастовке, так как власти важно было не выяснить истину, а лишь оправдать систему подавления всякого общественного движения.

В 20-ых числах марта начинается новый период забастовки—наиболее острый.

22 марта на Ленские прииски приехали окружный горный инженер г. Тульчинский и жандармский ротмистр г. Трещенков. Первый приехал на прииски с страстным желанием примирить всех и все и спасти положение. Второй—с желанием укротить «непокорную бунтующую чернь».

Г. Тульчинский, по приезде на прииски, назначил выборным от рабочих явиться к нему 24-го марта, каковое число в этот год совпало с субботой Страстной недели. Собралось человек 50, в том числе и несколько женщин.

Рабочие и выборные возлагали большие надежды на это совещание, так как они относились к г. Тульчинскому с большим доверием и уважением. Однако, надежды рабочих не сбылись.

В каких тонах происходило совещание у г. Тульчинского в этот критический момент, можно судить по следующему рассказу одного из выборных. «Во все время совещания Тульчинский говорил только сам, рассказал он нам свою биографию вплоть до того, что жена его живет в Петербурге, а он на приисках, рас-

сказал он нам про Америку и про государство. Когда же рабочие заявили, что ими приготовлены материалы и доклад о забастовке, Тульчинский заявил, *что он все знает, что забастовка произошла от того, что его не было на приисках*, и т. д. В заключение он предложил рабочим стать на работу, обещав вывесить об'явление о некоторых уступках». После этого выборные стали совещаться, что делать дальше. Долго обсуждался этот вопрос и в конце-концов решили прекратить забастовку. Мотивы к прекращению забастовки были таковы: 1) если забастовка не прекратится, ленцы обанкротятся, и рабочие будут осуждены на безработицу; 2) Тульчинский—искренний и честный человек, которому надо верить, и 3) рабочие устали и не могут больше бастовать.

26-го марта вновь произошло совещание выборных по этому вопросу, и вновь совещание большинством 17 против 13 высказалось за прекращение забастовки. Когда рабочие узнали о решении выборных, они остались недовольны им. Состоялось общее собрание старост от казарм, которые высказались за продолжение забастовки. 27 марта выборные снова собрались и на этот раз, считаясь с настроением и волей масс, постановили продолжать забастовку.

Видя, что забастовка продолжается, и предполагая, что некоторыми уступками можно примирить рабочих с Лензото, инж. Тульчинский 29 марта вывесил об'явление с предложением приступить к работам не позже 30 марта, причем в об'явлении содержались следующие уступки: 1) уплата заработной платы талонами отменяется, 2) время ходьбы от казарм будет считаться рабочим временем, 3) сверхурочные работы будут иметь место лишь при условии добровольного соглашения, 4) будет произведено расследование о неправильных подсчетах в рабочих книжках, 5) обязательные постановления Иркутского Горнозаводского Присутствия о мерах к охранению жизни и здоровия рабочих и врачебной помощи, а равно закон о вознаграждении потерпевших вслед-

ствие несчастных случаев будут в точности выполняться, 6) он, Тульчинский, берется исходатайствовать перед надлежащей властью трехсменную работу в мокрых забоях, вахтах и проч. и 7) он же, Тульчинский, берется исходатайствовать снабжение рабочих прочною непромокаемой одеждой при работах в мокрых забоях. Одновременно с этим об'явлением на вопрос рабочих: «Кто виноват в нарушении договора о найме»? Тульчинский ответил, что Ленское Т-во, и обещал рабочим выдать об этом соответствующие удостоверения.

Эта деятельность Тульчинского была неожиданно прервана полученной им телеграммой от директора горного департамента Иванова, который от имени министра торговли и промышленности ставил на вид Тульчинскому, что им совершенно не усвоены указания, данные ему летом прошлого года (речь идет о письме С. И. Тимашева, которое было цитировано ранее. А. Т.), в частности, департамент обращал внимание своего инженера на то, что «выдача рабочим удостоверений о нарушении Ленским Т-вом договора о найме не входит в круг его обязанностей».

Так кончилась попытка г. Тульчинского примирить враждующие стороны.

В этот острый для рабочих период выступает на сцену жандармский ротмистр Трещенков. Так как этот ротмистр играл главную роль во время расстрела рабочих, как непосредственный виновник его, то здесь следует остановиться хотя бы кратко на его прежней деятельности. В 1905 году Трещенков руководил карательными экспедициями в Сормове. В том же 1905 г., в бытность его начальником охранного отделения в Нижнем-Новгороде, местная артиллерия бомбардировала здание Нижегородского вокзала, где будто бы скрывалась вооруженная дружина. Здание вокзала было повреждено, но когда вошли туда, то нашли только 5 человек. Там же в Н.-Новгороде у Трещенкова вышли недоразумения с Контрольной Палатой из-за неправильного расходования денег. После этих служебных

недоразумений г. Трещенков был переведен в Житомир на пост начальника охранного отделения. В район его деятельности входила между прочим Почаевская лавра. Однажды здесь в приемной архимандрита были обнаружены две бомбы. После этого г. Трещенков получил назначение в Москву на пост помощника начальника охранного отделения, откуда и был переведен в Иркутск.

Выступление г. Трещенкова на приисках совпало не только с периодом колебаний рабочих, но и, что важнее, с тем моментом, когда Правление Ленского Т-ва, стремясь к осуществлению намеченного им еще 5 марта плана—сорвать забастовку, готовило бешеный удар рабочим.

Если нужны этому доказательства, то можно было бы привести их сколько угодно. Мы отметим только главные из них.

Правлению Ленского Т-ва во что бы то ни стало надо было сломить упорство иркутского губернатора Ф. А. Бантыша, который постоянно парализовал мероприятия Правления, направленные против рабочих, то приостанавливая исполнение судебных решений о выселении рабочих, то делая распоряжение о выдаче рабочим продовольствия и т. п. И вот Правление Ленского Т-ва начинает вести кампанию против Ф. А. Бантыша, которая заканчивается полной его победой. Оно добивается во 1) того, что министерство внутренних дел, которое смотрело на забастовку глазами Лензото, начинает оказывать давление на своего непокорного чиновника, и во 2) того, что департамент полиции начинает сноситься непосредственно с Трещенковым, минуя Ф. А. Бантыша.

Давление министерства внутренних дел выразилось в том, что б. товарищ министра внутренних дел Золотарев стал посылать иркутскому губернатору одну телеграмму за другой, поручающие ему действовать энергичнее в деле ликвидации забастовки. 22 го марта Золотарев послал Бантышу две телеграммы за

№№ 16136 и 16736, 23-го марта—одну за № 17436, 25 марта—две за №№ 18836 и 19636 и т. д. Что же Золотарев поручал Бантышу? Ответ на этот вопрос дает содержание телеграмм. 22 марта Золотарев требовал, «чтобы все проявления правительственной власти по поддержанию порядка на приисках были тверды и определенны, недопускающие колебаний; агитаторы и подстрекатели были бы выяснены». 23-го марта Золотарев требовал от Бантыша *«безотлагательно дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для ликвидации забастовки, прекращения со стороны забастовщиков всякого рода незакономерных выступлений и выполнения законных постановлений судебной власти о выселении»*. Одновременно Золотарев ставил губернатору на вид незакономерность его распоряжения о выдаче забастовщикам продовольствия. В предисловии к цитированному месту телеграммы указывается, что сообщения об учиненных забастовщиками насилиях и самоуправствах исходят от Теппана.

Департамент полиции действовал в угоду ленцам еще энергичнее. 30 марта Белецкий телеграфировал начальнику иркутского жандармского управления Познанскому: «предложите непосредственно (очевидно, минуя Бантыша. *Авт.*) ротмистру Трещенкову *немедленно ликвидировать стачечный комитет и, если не будет данных для дознания*, возбудить охранную переписку. № 167. Белецкий». И не дождавшись ответа, Белецкий на следующий день 31 марта телеграфирует: «Правление Лензото получило депешу Главноуправляющего, который удостоверяет, что почти все рабочие согласны приступить к работам, *но для усмирения необходимо удалить зачинщиков*. Телеграфируйте, *произведена ли, согласно депеши моей 30-го марта № 167, ликвидация стачечного комитета; если нет, почему не исполнено это требование*. № 175. Белецкий».

Вы видите, как департамент полиции и ленцы торопятся с арестом выборных.

Всеми этими телеграммами, как будет видно позже, упорство иркутского губернатора было сломлено.

Осуществление плана, намеченного Правлением Лензото, подходило к концу. Воинская сила на прииски прибыла, лица, облеченные доверием власти—Трещенков и Преображенский—находились на местах. «Упорство» непокладистого губернатора сломлено. Распоряжение об аресте выборных сделано.

Надо ли говорить о том, что все начинания Правления Лензото падали на добрую почву Трещенковых, Преображенских и Теппанов, среди которых наблюдалась солидарность не меньшая, чем в Петербурге, между Правлением Лензото и министерством внутренних дел.

Выступивший в этот острый период забастовки, ротмистр Трещенков быстро освоился с положением дела и придал ему тот размах, которого не доставало. Он организовал свою агентуру среди рабочих, сплотил вокруг себя приисковую администрацию, влил вдохновение в Теппана, Преображенского и Хитуна и стал спешить к цели так же быстро, как Правление Лензото и департамент полиции. 27 марта Трещенков доносит иркутскому губернатору, что «забастовкой рабочих руководит стачечный комитет», что «на приисках раз'езжают агитаторы», что «были неоднократные случаи насильственного снятия рабочих забастовщиками», что «дальнейшее продление забастовки, по словам Теппана, грозит предприятию», что он поэтому, «настоятельно находит необходимым *арестовать агитаторов, стачечный комитет, бастующих ссыльных, хотя бы для того пришлось прибегнуть к оружию*». Настаивая на рекомендуемых мерах, Трещенков добавлял: «есть все основания предполагать, что с арестом забастовка будет сорвана».

Товарищ прокурора Преображенский настаивал перед прокурором судебной палаты тоже на «необходимости арестовать 17 членов стачечного комитета и

всех тех преступных деятелей, которые установлены следствием по 125 ст. Уг. Ул.».

Теппан со своей стороны в посылаемых им телеграммах находил «необходимым высылку подстрекателей».

Из этих телеграмм видно, что на приисках образовался триумвират 4-го апреля.

Главная роль в этом триумвирате принадлежала г. Трещенкову. Он, как уже отмечалось, был и вдохновителем и главным виновником расстрела.

Инженер Теппан был подстрекателем. Это он говорил, что «деятельность Ленского Т-ва настолько важна для государства, что можно уложить для спасения дела человек 60». Это он во все время забастовки давал клеветнические сведения об «угрожающем» поведении рабочих.

Г.г. Хитун и Преображенский были пособниками, которые, как мы видели, выражали своими действиями полную солидарность с г. Трещенковым.

Добавим, что масса служащих решительно ничем не мешала г. Трещенкову.

Несомненно, что главную и самую ценную услугу г. Трещенкову оказал г. Преображенский, когда 31 марта он отказался принять выборных от рабочих Феодосиевского прииска, подчеркнув, что он не признает никаких выборных, считает их агитаторами и требует, чтобы каждый рабочий подал ему письменное заявление о том, что выборные являются передатчиками их пожеланий.

Это заявление ускорило ход событий,—ибо рабочие увидели, что высокое начальство, с одной стороны, не признает их выборных, с другой—выражает желание и настаивает, чтобы рабочие подтвердили ему свою волю.

Что же делать?

Обсудив вопрос, рабочие решили исполнить волю начальства—подтвердить посредством особых заявлений тот факт, что они сознательно бросили работу, в

виду нарушения Ленским Т-вом договора найма, и передать эти заявления лично товарищу прокурора.

Началось писание заявлений, которые впоследствии были названы «сознательными записками». День и ночь писались эти записки. Вот содержание одной из них:

Его Высокородию Господину Товарищу Прокурора
Иркутского Окружного Суда

Рабочий Феодосиевского прииска
Павел Паныстев

Заявление

Я, рабочий Л. З. Т-ва, сознательно прекратил работу. Насильственных мер и подстрекательств во время забастовки со стороны рабочих не было. И мы продолжаем забастовку в виду нарушения с нами договора Л. З. Т-ва и неудовлетворения наших требований, в том и подписуюсь Павел Паныстев.

2 апреля 1912 г.

Такие записки были написаны всеми рабочими, События назрели.

Нужен был только толчек, чтобы разыгрался главный акт великой трагедии.

И такой толчок был дан при следующих обстоятельствах. 31 марта в Иркутск приехал член правления Лензото, действительный статский советник Саладилов. А 1 апреля уже состоялось при его участии совещание из следующих лиц: иркутского губернатора, прокурора иркутской судебной палаты, прокурора иркутского окружного суда, начальника иркутского жандармского управления, представителей Лензото г. Корзакова и г. Переломова. Семь часов длилось это совещание, пока все не пришли к соглашению. Программа срыва забастовки, выработанная на этом совещани, сводилась к следующему: г. Саладилов, в качестве представителя Правления Лензото, должен был послать

телеграмму Теппапу с копиями Трещенкову, Преображенскому, Тульчинскому и Александрову, с предписанием промысловому Управлению нанимать рабочих по новому договору, содержащему целый ряд уступок рабочим. В случае, если бы рабочие не согласились на возобновление договорных отношений, в телеграмме олжно было содержаться распоряжение о расчете рабочих, о прекращении отпуска им продовольствия и о принятии мер к выселению. Власти же должны были послать телеграмму Трещенкову об аресте стачечного Комитета, о выселении рабочих и поддержании порядка.

В исполнение этой программы иркутский губернатор с согласия прокурора судебной палаты Нимандера 2-го апреля послал г. Трещенкову телеграфное распоряжение «произвести арест стачечного комитета *если по местным условиям мера эта будет содействовать мирному улажению конфликта*». В этот же день начальник иркутского жандармского управления г. Познанский передал г. Трещенкову телеграмму б.и.д. директора департамента полиции Белецкого без всяких добавлений.

Таким распоряжением рабочие отдавались во власть ротмистра Трещенкова.

Телеграмма Белецкого, переданная Познанским, развязывала руки жаждущему крови жандарму. Она освобождала его от осторожного обращения к вопросу. Высшая власть в лице Белецкого, сама бросала тысячи рабочих под залпы пуль г. Трещенкова.

По получении этой телеграммы, г. Трещенков 3-го апреля устроил совещание при участии г. г. Преображенского и Хитуна, на котором было решено арестовать выборных и начать против них преследование по 125 ст. Уг. Ул. за «возбуждение рабочих к устройству или продолжению стачки, статьей 367-ой предусмотренной». Надо сказать, что ст. 367 говорила в то время о стачке в таком предприятии, прекращение деятельности которого может неблагоприятно отразиться на интересах местного населения. И хотя никако-

го местного населения на приисках, кроме рабочих, не руществовало, тем не менее в ночь с 3-го на 4-е апреля аресты были произведены. Для большего устрашения казармы были окружены солдатами, которые сопровождали ротмистра и внутрь казарм. Арест мирных людей при такой обстановке произвел гнетущее впечатление на рабочих. Все в казармах были разбужены, дети и женщины перепуганы до истерики.

К утру весть об аресте распространилась по всем приискам. Рабочие волновались. Многие говорили: разве мы прятались? Пусть сказали бы вперед, все сами пришли бы».

При таких удручающих, тревожных и гнетущих обстоятельствах настал день 4-го апреля.

Прежде, чем перейти к описанию разыгравшихся в этот день событий, я должен сделать одно замечание касающееся места описываемых событий. Расстрел рабочих произошел около Надеждинского прииска, на котором, как уже указывалось, находилось главное промысловое Управление и Народный Дом. Надеждинский прииск находится как раз в центре приисков. По одну сторону его расположена группа приисков во главе с Андреевским и Александровским. Эта группа расположена вдоль полотна жел. дор. более чем на 20 верст По другую сторону расположена менее многочисленная группа приисков во главе с Федосиевским. Рабочее население той и другой группы почти одинаковое.

Итак, настал страшный день 4-го апреля.

Утром этого дня рабочие Андреевского прииска отправились к инженеру Тульчинскому, чтобы выяснить, за что и по чьему распоряжению были арестованы выборные. Тульчинский жил на Успенском прииске, который находится в 4-х верстах от Андреевского. Тульчинский об'яснил прибывшим рабочим, что арест выборных, по словам г. Трещенкова, был произведен за участие в стачечном комитете. Сказав это, Тульчинский добавил, что освобождение выборных за-

висит от судебных властей, которые находятся на Надеждинском прииске. Рабочие после этого перешли на другой больной вопрос об увеличении пайка семейным, которым не хватает холостого пайка (семейным во время забастовки выдавали паек, одинаковый с пайком, установленным для холостых, несморя на распоположение иркутского губернатора). Тульчипский и на этот ворос ответил, что усиление выдаваемого пайка зависит от и. д. главноуправляющего Теппана, который живет тоже на Надеждинском прииске.

В это же время рабочие Феодосиевского прииска, расположенного по другую сторону Надеждинского прииска, с утра отправились в приисковую контору к управляющему Самохвалову—одному из наиболее ярких представителей Белозеровского режима—просить об увеличении пайка и узнать о судьбе выборных, т.-е. с теми же больными вопросами, с которыми рабочие Андреевского прииска ходили к Тульчинскому. Придя в контору, рабочие, к своему удивлению, нашли ее пустой. Пустыми оказались и квартиры служащих. Семьи некоторых служащих, которые запоздали с выездом, выезжали на глазах рабочих. В контору стали сходиться стражники. Сюда же привезли ружья и раздали их стражникам. Рабочие стали добиваться вызова Самохвалова, но вместо него увидели подходящий поезд с солдатами. Солдаты вышли, стали у моста по дороге с тракта к конторе. Из вагона вышел ротмистр Трещенков. Он направился к толпе и закричал «расходись, стрелять буду». Рабочие поколебались, но не двинулись с места. Ротмистр пошел к солдатам, выстстроил их вдоль полотна жел. дор. лицом к Феодосиевской конторе. Солдаты брали ружья на прицел меняли места, вставали на колени, как бы прицеливаясь в рабочих.

Приехал Самохвалов. Рабочие стали просить расчета. Что же ответил им Самохвалов? *Он стал посылать их на Надеждинский прииск.* Рабочие наотрез отказались от этого предложения и указали на

солдат, которые могут расстрелять их. На это Самохвалов ответил так «ну, может быть, расстреляют, а может быть, и нет».Тогда рабочие стали задавать вопросы о причине ареста выборных. Самохвалов ответил, что выборные арестованы по указанию Тульчинского. В толпе послышались требования вызвать Тульчинского, который после разговора с Андреевцами успел приехать на Надеждинский прииск. Тульчинского позвали по телефону.

Солдаты продолжали стоять и ждали.

Около них стояли Трещенков, Санжеренко, Преображенский и Хитун и тоже ждали.

Тульчинский приехал. Он убедил Трещенкова увести солдат, а рабочих разойтись. Рабочие разошлись.

Если вы припомните, что еще 31 марта товарищ прокурора Преображенский, категорически отказавшись признать выборных, потребовал от рабочих подачи на его имя заявлений, если вы сопоставите с этим требованием тот факт, что в день 4-го апреля Самохвалов усиленно посылал Феодосьевцев на Надеждинский прииск, что приисковая контора и квартиры служащих в етот день опустели, то вы поймете, что Трещенков, Преображенский, Хитун, Санжеренко и высшая приисковая администрация были в заговоре и провоцировали движение рабочих к Надеждинскому прииску, и в день 4-го апреля ждали удобного повода, чтобы начать избиение рабочих для блага такого необходимого для государства предприятия, как предприятие Лензото.

Ждать им пришлось недолго.

И вот почему.

Рабочие Андреевского прииска, уйдя от окружного инженера Тульчинского, решили пойти на Надеждинский прииск. По дороге к ним примкнули рабочие Васильевского, Утесистого и Пророко-Ильинского приисков. Пройдя 16 верст, они дошли до Александровского, где к ним примкнули и Александровцы. Все эти рабочие в числе 2000—3000 человек шли с

тем, чтобы подать «сознательные записки», просить об увеличении пайка семейным и об освобождении арестованных.

С какими настроениями и как шли рабочие, можно судить по следующим свидетельским показаниям, исходящим как от рабочих, так и от таких лиц, как б. мировой судья Рейн, покойный чиновник особых поручений при иркутском губернаторе Б. А Майш и др.

«Все шли с простою душою». «Открытые сердца были у них». «Пошли как в церковь». «Шли словно к причастию; нарядились». «Мой муж был в пальто, в жилете, с именными часами и цепочкой». «Пошли просить об увеличении пайка семейным, потому что мы, бабы, просили итти». «Пошли, потому что дети голодали». «Пошли просить об освобождении выборных». «Все шли спокойно; многие держали в руках сознательные записки». «Впереди шли выборные, за выборными—семейные, за семейными—все остальные». «Шли, растянувшись узкою лентою от одной до двух верст, по два, по три человека».

Одно время массе рабочих пришлось итти по полотну железной дороги. В это время ее обогнал поезд с капитаном Лепиным и солдатами, отвозившими арестованных ночью в г. Бодайбо и теперь спешившими на Надеждинский прииск. Шедшую толпу на всем протяжении дороги видели урядники и стражники, которые обо всем доносили Трещенкову. Как же этот человек реагировал на шествие? Он неизменно отвечал всем доносившим ему в разное время лицам одно и то же: «пусть идут».

И рабочие шли. Они приближались к Надеждинскому прииску. И когда до Народного Дома оставалось от 120 до 250 саж., тогда Трещенков, захватив с собою Тульчинского, поехал в Народный Дом, где были сосредоточены солдаты. Там он обратился к солдатам со следующими словами: «торопитесь, вас хотят обезоружить». Такими словами Трещенков хотел возбудить солдат против рабочих. И, конечно, он достиг своей

цели. Ему поверили. Перед 110 солдатами предстала грозная опасность со стороны тысяч рабочих. В сердцах солдат зародились и выросли во всю свою величину страх за жизнь и ожесточение против рабочих. И то и другое нужны были Трещенкову, нужны, ибо он хотел вызвать столкновение рабочих с солдатами.

О, как теперь становятся понятными его слова: «пусть идут». Конечно, „пусть идут", у него все готово для встречи.

Настроив солдат, Трещенков вместе с Лепиным, Санжеренко и Тульчинским вышли на полотно железной дороги, где к ним присоединились Хитун и Преображенский.

Был сыгран сигнал «сбор».

Солдаты, построенные в две шеренги, вытянулись цепью поперек дороги от Народного Дома до самого полотна, преграждая дорогу на Феодосиевский прииск.

Трещенков послал стражника Титова остановить толпу. Тульчинский отделился от Трещенкова, Преображенского, Хитуна и Санжеренко, которые стояли на правом фланге на полотне железной дороги, несколько возвышающемся над местностью, откуда видно было, как двигается толпа, и подошел к головной части рабочих, которые свернули уже с главного тракта на Надеждинский прииск.

Толпа остановилась. Передние ряды окружили Тульчинского и подали ему заявление. Тульчинский начал читать. Рабочие теснились около него. Часть села на штабеля бревен..., часть на изгородь..., начали курить.

Но... вот Трещенков сделал знак руками, как дирижер, и неожиданно раздался залп.

За залпом последовала стрельба пачками. Послышались стоны и крики. Потеряв самообладание, солдаты продолжали стрелять по бежавшим и лежавшим рабочим. Когда заряжали ружья, стрельба пре-

кращалась с тем, чтобы через мгновение возобновиться.

Кончилось.

Стали собирать и увозить убитых и раненых. Один из урядников стоял около подвод, считал и записывал, сколько положено на каждую подводу мертвых тел.

Убитые и раненые были увезены.

На месте остались победители Трещенков, Преображенский и Хитун. Чем же занялись эти люди? Они занялись работою по созданию вещественных доказательств вооружения толпы. Вот что рассказывали об этом свидетели: „Когда убитых и раненых увезли, Трещенков обратился с вопросом: „всех увезли?" И когда получился утвердительный ответ, он дал распоряжение собирать палки и выбрасывать их на дорогу. И стражники стали собирать колья от изгороди, «стежки» (толстые палки, которыми пользуются при складывании бревен), кирпичи, оставшиеся с осени от постройки, и т. п. Было тихо и спокойно. Не было ни смятения, ни волнения. Начальство ходило взад и вперед по дороге, упитанной кровью, и покуривало". „Эти люди", добавляет другой свидетель, „рассуждали что-то тихо, как будто сенокос покончили".

Между тем по направлению к Центральной больнице тянулись возы со сваленными на них мертвыми по 4—5 человек, и подводы с тяжело ранеными.

Когда подводы подъехали к больнице, то во многих подводах живые лежали вместе с мертвыми. Сначала трупы поместили в ледник, но слишком мал был ледник. Пришлось сложить трупы около ледника.

Вот как под свежим впечатлением событий рабочий Михаил Лебедев, раненый во время стрельбы, излагал в телеграмме, посланной председателю совета министров с копиями министрам юстиции и торговли, обстановку расстрела: „4 апреля, мы, рабочие Ленско-

го Т-ва, шли на Надеждинский прииск с жалобами к товарищу прокурора Преображенскому о незаконных действиях приисковой и правительственной администрации, с просьбою об освобождении арестованных, избранных по предложению властей. Не дойдя 120 саж. до квартиры тов. прокурора, нас встретил окружный инженер Тульчинский, уговаривая, во избежание столкновений с войсками, остановиться и разойтись. Передние, повинуясь, стремились остановиться. Но трехтысячная толпа, растянувшись почти на две версты по узкой дороге, не зная причины остановки передних, продолжала напирать, увлекая Тульчинского со стражниками. Последовали залпы, продолжавшиеся несмотря на махание фуражкой и платком Тульчинского и его крики; «прекратить пальбу». В результате около 500 убитых и раненых. Тульчинский уцелел чудом под трупами. Считаем виновниками происшедшего ротмистра Трещенкова, товарища прокурора Преображенского и следователя-судью Хитуна, употребивших оружие, не убедившись в наших мирных намерениях. В виду весеннего перерыва сообщения с краем, просим немедленного назначения судьи, непричастного к событиям, с полномочиями следователя. Сообщение Киренск-Витим-Бодайбо еще возможно не долее недели. Промедление приступом следствию до навигации крайне затруднит выяснение истины".

В дополнение к этой телеграмме рабочие телеграфировали членам Государственной Думы: «Мы мирно ждали полного расчета, обратились к иркутской адвокатуре за законной защитой. В конце марта были присланы солдаты и жандармский ротмистр Трещенков с полномочиями начальника полиции. Наши выборные пытались переговорить с ротмистром о наших нуждах, последний затопал ногами и с площадной бранью выгнал. Третьего апреля наши выборные арестованы и препровождены в Бодайбинскую тюрьму. Считая арест незаконным, мы 4 апреля направились на Надеждинский прииск к окружному инженеру

Тульчинскому и ротмистру с просьбой освободить арестованных. Во время переговоров с Тульчинским раздалась команда «пли»—270 убитых и 250 раненых. Тульчинский уцелел чудом. Раненые умирают. После первого залпа толпа полегла, стреляли в лежащих и убегавших. Убиты также женщина и стражник, который был в толпе. Повторяем, никаких насилий мы себе не позволяли целый месяц. Вопли отчаянья вдов и сирот. Окружающее население в паническом ужасе, мирные рабочие терроризованы, краю грозит разгром, немедленно внесите спешный запрос правительству. Добивайтесь немедленного расследования систематически незакономерных действий Управления Ленского Т-ва и вопиюще преступного зверского образа действий ротмистра Трещенкова, расстрелявшего мирных граждан и ныне ходатайствующего о введении военного положения и присылке войск из Иркутска. Представитель рабочих Ленского Т-ва Баташев».

Добавим к этому немногое. Показаниями не рабочих, а судьи Рейна и чиновника Б. А. Майша вся изложенная картина расстрела рабочих подтверждена. Показаниями же этих свидетелей установлено, что 50 проц. ран оказались сзади, при чем по характеру ранений видно, что раны были нанесены рабочим тогда, когда они были в лежачем положении. И тот, и другой свидетели удостоверили также и то, что шедшая к Надеждинскому прииску толпа рабочих была невооруженной и находилась в дефиле, растянувшись на расстоянии от 1-ой до 2-х верст.

Так было в день 4 апреля 1912 г. в далекой тайге. Значение разыгравшихся в этот день событий было огромно, как для Ленских рабочих, так и для всей России.

Расстрел 4-го апреля совершенно заслонил собою весь тот ужас, который был на приисках до этого времени. Если ранее рабочие искали виновника ужасных условий труда, то теперь они стали искать и виновника пролитой крови,

Уже на следующий день 5 апреля рабочие обращаются в Бодайбинскую городскую управу с просьбой назначить комиссию для расследования совместно с товарищем прокурора расстрела их товарищей. 7-го апреля такое ходатайство повторяется. В этом повторном ходатайстве рабочие «настоятельно просят в интересах рабочих, в интересах городского населения, в интересах края, в интересах государства защитить их от угрожающей опасности, назначить медицинскую комиссию и следователя по определению расстрела, дать знать во все правительственные учреждения о том, до каких размеров дошла вопиющая несправедливость». Можно по разному относиться к этим ходатайствам. Можно находить их обращенными не по назначению Можно считать их наивными. Но все это будет неверно. Несомненно, что обращения рабочих в Бодайбинское городское самоуправление, в Государственную Думу, к иркутской адвокатуре и т. д. было продиктовано смутным классовым инстинктом, отвечающим определенной стадии классового самосознания, который повелительно диктовал рабочим заинтересовать в своей судьбе весь рабочий класс и всю Россию.

И классовый инстинкт не обманул рабочих. Благодаря этим многократным обращениям не по инстанциям, кровь и смерть рабочих в Ленской тайге нашли отклик во всей России. И прежде всего—в рабочем классе, который там и здесь начал устраивать однодневные забастовки-демонстрации с выражением сочувствия своим ленским товарищам, собирать деньги в пользу раненых и вдов и т. д. Левые фракции внесли запрос в Государственной Думе правительству, отвечая на который тогдашний министр внутренних дел Макаров обронил крылатую фразу: «так было—так будет». Тогдашние общественные круги послали на прииски группу адвокатов для расследования событий, вызвавших расстрел. Иркутский губернатор послал для той же цели группу чиновников. И, наконец, уступая всеобщему давлению, высочайшим повелением было возло-

жено на сенатора Манухина «произвести расследование всех обстоятельств забастовки на Ленских приисках».

Что же делали в это время г. г. Трещенков, Хитун и др.? Они продолжали свою политику. Они создали дело по обвинению выборных рабочих по 125 ст. Уг. Ул. Они арестовывали все новых и новых рабочих.

В частности, Хитун занимался обвинением, на основании донесений Трещенкова и администрации Лензото, рабочих «в создании препятствий желающим работать», и присуждал „виновных" к 4 месяцам тюрьмы.

Трещенков раз'езжал по приискам, посещал больницы, угрожал рабочим, терроризовал раненых. Запугивая вдов, он говорил, что „всем забастовщикам будет три года тюрьмы, раненым—8 лет каторги". Выслушав его, одна обезумевшая от горя женщина вдру неожиданно спросила: „а что будет тем, которые убиты?"

Трещенков на этот вопрос ответа не дал. Но на этот вопрос дал ответ рабочий класс, сделав искание правды своим знаменем, в борьбе с капиталистическим строем и царским самодержавием.

В течение двух следующих месяцев забастовки, приехавшие на прииски Комиссии старались убедить рабочих—принять ту правду, которую каждая из этих комиссий защищала.

Сенаторская ревизия Манухина стремилась «преисполнить сердца рабочих глубочайшей благодарностью к тому, кто в постоянных заботах о нуждах своего народа, обратил милостивое внимание на события, разыгравшиеся в далекой лесной тайге», убедить рабочих прекратить забастовку и примирить их с Ленским Т-вом.

Старания сенатора Манухина оказались напрасными. Несомненно, что выработанный сенаторской ревизией, при участии сторон, новый договор о найме

был лучше старого. Но несомненно и то, что новый договор лишь закреплял юридически те экономические завоевания, которые были достигнуты ленскими рабочими ранее еще до приезда сенаторской ревизии, когда Ленское Т-во, под давлением рабочих, дало в целом ряде об'явлений обязательства—соблюдать законы в отношении выдаваемых продуктов, жилищ, технических условий труда, когда оно допустило представительство рабочих при получении продуктов, отменило талоны, увеличило заработную плату на 10% и т. д.

В июне месяце рабочих интересовала не эта сторона дела. Их интересовала правда, которую они искали в течение 4-х месяцев напряженнейшей борьбы. Их интересовали вопросы: кто виноват в их многолетних тяжелых условиях труда, кто виноват в расстреле 4 апреля.

И так как на эти вопросы сенаторская ревизия не дала ответа, то рабочие, ставшие временно на работу, чтобы показать ревизии условия труда, в которых они работали, отказались подписать договор и предпочли уехать с приисков.

В своем заявлении на имя сенатора Манухина, рабочие так писали: «по обсуждении нового договора, рабочие нашли, что он лучше старого... но порядок не изменился, администрация приисков также, не изменился и крепкий белозеровский режим... Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла к ответственности виновных за расстрел 4 апреля... Наши выборные невинно сидят в тюрьме. Поэтому рабочие к работе не приступают и желают вывоза в жилые места, где они могут себе найти новые работы».

Губернатор Ф. А. Бантыш и его группа старались с одной стороны убедить сенаторскую ревизию признать виновность Лензото в разыгравшихся событиях, с другой—доказать рабочим, что виновность Ленского Т-ва будет признана тем скорее, чем больше они проявят верноподданнических чувств.

Ф. А. Бантыш был бит и сенаторской ревизией, которая проявляла крайнюю осторожность к Ленскому Т-ву, и рабочим.

Обстановка, при которой произошел заключительный аккорд провала кампании Бантыша среди рабочих, настолько интересна, что я остановлюсь на ней подробней.

5 июля накануне от'езда сенатора Манухина и Петербург, к адвокатам, приехавшим для расследования ленских событий, явился неоднократно упоминавшийся Б. А. Майш и предложил адвокатам поехать вместе на весенний прииск Ратькова-Рожнова, который находился от местопребывания адвокатов верстах в 20—25. Мои коллеги согласились и поехали. Я остался. Почему? не знаю. Может быть потому, что было смутное предчувствие какой-то новой неожиданности, может быть потому, что хотелось остаться одному и продумать законченную работу. Через некоторое время после от'езда Б. А. Майша и моих коллег ко мне являются выборные и сообщают, что на Феодосиевском прииске был г. Майш и предложил выборным созвать сегодня общее собрание для обсуждения проекта следующей резолюции на имя Манухина: «Мы, бывшие рабочие Ленского Золотопромышленного т-ва, вставшие по призыву вашего высокопревосходительства на работу в целях облегчить возложенную на вас государем императором задачу расследования всех обстоятельств забастовки на ленских приисках, а равно причин, вынудивших нас забастовать, уезжая ныне на родину за многие тысячи верст, глубоко уверены, что деятельность Ленского Золотопромышленного Т-ва по отношению к рабочему люду и тяжелые события 4 апреля будут всесторонне освещены в вашем всеподданнейшем докладе его императорскому величеству.

«С чистою и глубокою верою в справедливость государя императора мы несем свои молитвы за него к престолу всевышнего и просим через государева посла вместе с выражением наших верно-

подданических чувств доложить его императорскому величеству, что только бесчисленные обиды, перенесенные нами от Ленского Т-ва, вынудили н с бросить тайгу, десятками лет видевшую наш терпеливый кабальный труд, обагренный не только нашим потом, но и кровью наших товарищей. Просим также вас, ваше высокопревосходительство, принять нашу благодарность за ваши чрезмерные труды по выработке новых условий найма, воспользоваться которыми не позволяет нам наше истерзанное ленцами сердце».

Как видите, содержание и тон резолюции в высшей степени демагогические. Правильно квалифицируя условия труда на ленских приисках, правильно указывая на кровь, которая обгарила тайгу, правильно учитывая настроение рабочих, проект резолюции вместе с тем требовал от рабочих выражения доверия к царю.

Что делать?—спросили меня выборные. Я знал, что посоветовать рабочим выступить против проекта розолюции—это значит подвергнуть их преследованию по 103 и 129 ст. ст. Уг. Ул., которое могло для оратора закончиться, при создавшихся условиях, присуждением в каторжные работы. Обстановка создавлась трудная. В конце-концов я посоветовал поставить проект резолюции на голосование без обсуждения. Через несколько часов поздно вечером ко мне снова пришли выборные и расказали, что на общее собрание рабочих явился г. Майш и говорил в защиту проекта резолюции. Проект резолюции с выражением верноподдаиничеоких чувств был поставлен на голосование нескольких тысяч рабочих. Факт беспримерный в истории рабочего движения в России. При голосовании проект был отвергнут всеми голосами при 7-ми воздержавшихся. Вернувшиеся ночью адвокаты рассказали, что г. Майш исчез часа через 2 после приезда на Весенний прииск.

Отвергнув цитированный проект резолюции, рабочие ясно показали, что они после 4 х месячного опыта забастовки имели свою правду.

Правда рабочих гласила, что виновниками мрачных событий, разыгравшихся в тайге в 1912 г. являются капиталистический строй и царское самодержавие.

На эту правду они намекали адвокатам в своем адресе, в котором они высказали «свою твердую веру в то, что настанет для них и для всех рабочих России лучшее светлое будущее, в котором будет свободнее жить и дышать».

Такова правда о Ленских событиях.

Вечная память павшим за искание ее!

СПИСОК

убитых 4-го апреля 1912 г. рабочих Андреевского прииска.

1. Солдаткин, Ефим Максимович—Тобольской губ., Темниковского у., Стрелецкой вол., дер. Борки.
2. Никитин, Николай Александрович—Иркутской губ., Верхоленского у., Качугской вол., дер. Тарай.
3. Сарычев, Николай—Вятской губ., Слободского у., Сезамовской вол., дер. Мудрово.
4. Морозов, Осип Иванович—Нижегородской губ., Арзамасского у., Семеновской вол., села Туманова.
5. Плевинский, Осип Иванович—Иркутской губ. Верхоленского у., дер. Темитовой.
6. Корюлов, Иннокентий Николаевич—мещанин г. Иркутска.
7. Марков, Карп Федорович—Костромской губ., Ветлужского у., Осенинской вол., дер. Лопатиной
8. Сидоров, Илья Флорентович—Енисейской губ., Красноярского уезда, Вознесенской вол., дер. Ладейки.
9. Кожин, Семен Петрович—Нижегородской губ., Сергачского у., Титовской вол., дер. Малой Можарки.
10. Владимиров, Иван Иванович—Иркутской губ., Балаганского у., Черемловской вол. и села.
11. Казаков, Степан Никитич—Симбирской губ., Аткарского у., Кладбищенской вол. и села.

12. **Гаврилович**, Филофий—Иркутской губ., Кирейского у., Марковской вол., дер. В. Марково.
13. **Новоселов**, Василий Федорович—Тобольской губ., Ялуторовского у., Лубаевской вол., дер. Глебовой.
14. **Брилев**, Иван Егорович—Забайкальской обл., Никольской вол. и села.
15. **Соловьев**, Осип—Иркутской губ., Балаганского у., Бельской вол.
16. **Малыгин**, Ларион Михайлович Тобольской губ., Ялуторского у., Бобылевской вол.

Убитые рабочие Ново-Васильевского прииска.

1. **Швецов**, Филипп Андреевич—Вятской губ., Яранского у., Пиштанской вол.
2. **Николаев**, Василий—Нижегородской губ., Арзамасского у., Кувакинской вол.
3. **Ефремов**, Федор.—Нижегородской губ., Арзамасского у., Кувакинской вол. и села.
4. **Горшков**, Михаил Петрович.—Нижегородской губ., Арзамасского у., Кувакинской вол. и села.
5. **Крутов**, Николай.—Нижегородской губ., Арзамасского у., Кувакинской вол. и села.
6. **Наумов**, Михаил Петрович—Нижегородской губ., Горбатовского у., Ворсминской вол., села Чидиново.
7. **Федяев**, Филипп Ульянович—Тамбовской губ., Серповское почт. отд.
8. **Пищулин**, Захар Прокопьевич—Смоленской губ., Дорогобужского уезд., Волочковской вол., Мазова Сила.
9. **Наумов**, Семен Саватеевич—Иркутской губ., Балаганского у., Осинской вол., села Тальяны.
10. **Букин**, Емельян Петрович—Тобольской губ, Ялуторского у., Шатровской вол., села Широково.

Убитые рабочие Александровского прииска.

1. Хохлов, Дмитрий Гаврилович—Пермской губ., Шадринского у., Осинской вол., села Соровского.
2. Хохлов, Степан Гаврилович.—Пермской губ. Шадринского у., Осиновской вол.
3. Соболев, Епифан Никитич—Иркутской губ., Балаганского у., Малышевской вол., села Малышевка.
4. Лопаткин, Гордей.—Иркутской губ., Балаганского у. Малышевской вол., села Малышевка.
5. Демаков, Дмитрий Осипович—Вятской губ., Яранского у., Малокундовской вол., дер. Барановской.
6. Попов, Прокопий Алексеевич—Иркутской губ., Верхоленского у., Ильинской вол., дер. Каченской.
7. Сологубов, Степан Тихонович—Минской губ., Слуцкого у., Романовской вол., дер. Евангелевич.
8. Дыба, Андрей Михайлович—Киевской губ., Васильковского у., Островской вол., села Настамки.
9. Вахлянин, Дмитрий Ермолаевич—Вятской губ., Котельнического у., Пишмурской вол., дер. Жлудки.
10. Безденежных, Дмитрий Константинович—Вятской губ., Яранского уезд., Комаровской вол., дер. Гвозди.
11. Демаков, Поликарп Васильевич—Вятской губ., Яранского у., Кундышевской вол., дер. Зыховской.
12. Береснев, Давид Мануилович—Вятской губ., Яранского у., Шаранской вол. дер. Кугланур.
13. Королев, Степан Моисеевич—Тобольской губ. Тарского у., Карсинской вол., дер. Ново-Николаевская.
14. Свинин, Андрей Иванович—Пермской губ., Шадринского у., Крестовской вол., дер. Ермаковой.
15. Ермаков, Наркиз Михайлович.—Пермской губ., Шадринского у., Крестовской вол., дер. Ермаковой.

16. **Корелин,** Иван Савельевич—Иркутской губ., Н.-Удинского у., Больше-Намарской вол., того же села.
17. **Чернин,** Андрей Семенович—Тобольской губ., Ялуторского у., Заводской вол., дер. Каменское.
18. **Коротаев,** Фаддей Поликарпович—Вятской губ., Котельнического у., Медведевской вол., той же дер.
19. **Ленских,** Семен Иванович—Пермской губ., Шадринского у., Мюронской вол., дер. Кропачевой.
20. **Васильев,** Владимир Захарович—Томской губ., Кузнецкого уезд., Верхо-Томской вол., дер. Черемицкой.
21. **Тинятулин,** Калимулла—Казанской губ., Свияжского у., Ульянинской вол., дер. Сыскобелевка.
22. **Гладковский,** Иван Исаевич—Иркутской губ., Балаганского у., Яничеcкой вол., того же села.
23. **Климин,** Степан Савельевич—Симбирской губ., Алатырского у., Кладбищенской вол., села Курского Майдана.
24. **Толстов,** Федор Антипович—Томской губ., Томского у., Ишимской вол., Поссияльской дер.
25. **Матвеев,** Степан Иванович—Нижегородской губ., Арзамасского уезд. Семеновской вол., села Водоватово.
26. **Скосырский,** Иван Николаевич—Тобольской губ., Тюкалинского у., Пановской вол., села Маторево.
27. **Сивый,** Максим Петрович—Костромской губ., Варнаванского у., Баковской вол., села Ядрово.
28. **Урусов,** Петр Иванович—Тобольской губ., Ялуторского у., Лубаевской вол., дер. Унь.
29. **Зырянов,** Иван Михайлович—Тобольской губ., Тюменского у., Успенской вол., дер. Зыряновки.
30. **Доброменян,** Александр Матвеевич—Тобольской губ., Тарского у., Логинской вол., села Екатеринское.
31. **Андреев,** Александр Данилович—мещанин, г. Иркутска.

32. Лопавенко, Яков Павлович—Иркутской губ., Иркутского у., Тельминской вол., села Тельмы.
33. Иванов, Иосиф Абрамович—Иркутской губ., Верхоленского у., Тутурской вол., дер, Рудоковской.
34. Карасев, Константин—Иркутской губ., Верхоленского у., Тутурской вол., дер. Рудоковской.
35. Воробьев, Иосиф—Иркутской губ., Верхоленского у.
36. Байков, Петр Алексеевич—Тобольской губ., Тарского у.
37. Никитин, Кирилл Никитич—Тобольской губ., Тарского у.
38. Панов, Василий Федорович—Пермской губ., Екатеринбургского у., Бобровской вол., дер. Вьюхиной.
39. Кочаев, Василий Филиппович—Енисейской губ., Ачинского у., Уягурской вол., села Паринское.
40. Чернявский, Осип Степанович—Тобольской губ., Туринского у., Носовской вол., села Гришино.
41. Трупов, Кузьма Иванович—Томской губ.
42. Мелкоозеров, Сергей Васильевич—Тобольской губ., Ялуторовского у., Лыбаевской вол., дер. Суннурево.
43. Софронов, Иван Степанович—Костромской губ., Варнавинского у., Благовещенской вол., дер. Щербащихи.
44. Таленков, Никита Яковлевич—Иркутской губ., Киренского уезд., Петропавловской вол. дер. Захаревой
45. Рыжков, Григорий Тимофеевич—Томской губ., Барнаульского у., Утянской вол., того же села.
46. Сольмин, Михаил Абрамович—Тобольской губ., Ялуторовского у., Лубаевской вол., того же села.
47. Солдатов, Измаил—Симбирской губ , Буинского у., Шагардамской вол., того же села.
48. Герасимов, Алексей Дмитриевич—Симбирской губ., г. Алатырь.
49. Мочалов, Григорий Панфилович—Вологодской губ. Никольского у., Александровской вол., дер. Онучиной.

50. **Бармутскин**, Яков Семенович—Симбирской губ. Алатырского у., Кладбищенской вол., село Ичикса.
51. **Алексеев**, Павел Федорович—Енисейской губ., Минжинского у., Идринской вол., села Солба.
52. **Сизиков**, Сергей Иванович—г. Иркутск.
53. **Карпаухов**, Алексей Емельянович—Енисейской губ., г. Енисейск.
54. **Забарцев**, Герасим Денисович—Енисейской губ., Енисейского у., Кожинской вол., дер. Алешкиной.
55. **Филипчук**, Григорий Григорьевич—Енисейской губ., Канского у., Тольской вол., дер. Романово.
56. **Гралин**, Илья Александрович—Иркутской губ., того же у., Узбалеевской вол., селе Быково.
57. **Непомнющий**, Егор—Томской губ., Маринского у., Стацкой вол., дер. Макаровой.
58. **Яскуловский**, Гилларий Иванович—Енисейской губ. Красноярского у., Вознесенской вол., того же села.
29. **Безгодов**, Степан Иванович—Тобольск. губ., Ялуторовского у., Кирсуцкой вол., того же села.
60. **Фоломеев**, Андрей Иванович—Тобольской губ., Тюкалинского у., Дрощинской вол., дер. Спасовской.
61. **Сайдашев**, Бик-Мухадет—Томской губ., Маринского у., Колюнской вол., дер. Нижн.-Городецкая.
62. **Дербенев**, Филат Петрович—Вятской губ., Яранского у., Починской вол.
63. **Лажичников**, Николай Андреянович—Вятской губ., Яранского у., Молошеной вол., села Сандерево.
64. **Бошков**, Дмитрий Иванович—Симбирской губ., Алатырского у., Резовоцкой вол., села Ст. Пузы.
65. **Турктонин**, Нестор Никифорович—Тобольской губ., Тарского у.
66. **Казаков**, Капитон Сергеевич—Нижегородск. губ., Лукояновского у., Лобосновской вол., села Пестровки.
67. **Зайцев**, Егор Иванович—Вятской губ., Яранского у., Кломурской вол., дер. Хемхерем.
68. **Целищев**, Илья Дмитриевич—Вятской губ., Котельнического у., Сосновской вол., дер. Арбаж.

69. Шатов, Андрей Борисович—Вятской губ., Котельнического у., Сосновской вол., дер. Шабуры.
70. Ибрагимов, Маесамача—Симбирской губ., Буинского у., Городищенской вол., дер. Нов. Чукала.
71. Вамисанов, Селийман - Симбирской губ. Вуинского у., Городищенской вол., дер. Нов. Чукала.
72. Фаисиханов, Ибрагим—Нижегородской губ., Василь-Сурского у.. Урганской вол., той же деревни.
73. Антипов, Василий Иванович—Рязанской губ., Рязанского у., Кузьминской вол., села Кузьминского.
74. Черемисанов, Иван Александрович—Вятской губ., Котельнического у., Красовской вол., той же деревни.
75. Бородулин, Алексей Васильевич—Енисейской губ., г. Аузинск.
76 Гусев, Иван Титович—Нижегородской губ., Арзамасского у., Пятшуцкой вол., села Севянкина.
77. Устюжанинов, Степан—г. Тобольск.
78. Земсков, Алексей Алексеевич—г. Симбирск.

Убитые рабочие Пророко-Ильинского прииска.

1. Казанцев, Федор Михайлович—Тобольской губ. Ялуторовского у., Новозаимской вол., дер. Стар Заимской.
2. Зяблов, Егор Николаевич—Тобольской губ., Ялуторовского у., Новозаимской вол., дер. Стар. Заимской.
3. Овечкин, Александр Иванович—Иркутской губ., Иркутского у., Уриковской вол., того же села.
4. Серов, Петр Федорович—Иркутской губ., Балаганского у , Янчинской вол., того же села.
5. Лазарев, Трофим Андреевич—Пермской губ., Шадринского у , Крестовской вол., дер. Завьялово.
6. Танайтис, Александр—г. Рига.
7. Мухин, Иван Тимофеевич—Вятской губ., Котельнического у.

8. Ермаков, Дмитрий Григорьевич—Иркутской губ., Нижнеудинского у., Тонгуйской вол., того же села.
9. Коньев, Григорий—Вятской губ., Яранского у., Сердежанской вол. дер. Гусевской
10. Сенисов, Василий—Тобольской губ.
11. Попов, Калина—Тобольской губ. Ялуторовского у., Лыбаевской вол.
12. Чердынцов, Максим—Тобольской губ., Ишимского у.
13. Бочкарев, Тихон Михайлович—Тобольской губ., Ишимского у., Безруковской вол.
14. Щешуин, Григорий Кириллович—Вятской губ., Яранского у., Пашинской вол., дер. Кузнецовой.
15. Тюменцов, Семен Тимофеевич—Пермской губ., Екатеринбургского у., Бульзанской вол., села Пороболки.
16. Нечаев, Северян Данилович — Тобольской губ., Ялуторовского у., Бобылевской вол., дер. Сизиковой.
17. Наумов, Федор Григорьевич—Нижегородской г., Арзамасского у., Каванчинской вол., дер. Котиха.
18. Козлов, Василий Ларионович—Нижегородской губ., Семеновского у., Богословской вол , села Пятницкого.
19. Балабин, Алексей Яковлевич—Нижегородской губ., Семеновского у., Семеновской вол., села Водовского.
20. Ларкин, Тимофей Сергеевич—Могилевской губ., Чериковского у., Маритавской вол., села Бродок.
21. Зотов, Сергей Алексеевич—Тамбовской губ., Кирсановского у., Богородской вол., села Подвигайловского.
22. Якупов, Хайруйла—Симбирской губ., Буинского у., Дражановской вол., дер. Ново-Заборской.
23. Коробков, Павел Дмитриевич—Нижегородской губ., Сергачского у., Китовской вол. села Сомапу.

24. Кононов, Федор Данилович—Енисейской губ., Канского у.
25. Лазарев, Михаил Данилович—Казанской губ., Чистопольского у.
26. Свинин, Яков—Тобольской губ, Ялуторовского у., Котской вол.
27. Ухалов, Евсей—Тобольской губ., Ялуторовского у., Котской вол.
28. Зычанов, Иван Сергеевич—Тобольской губ., Ялуторовского у., Лыбаевской вол., того же села.
29. Шерстобитов, Петр Родионович—Нижегородской губ., Арзамасского у., Устской вол., села Ямиши.
30. Шаулов, Иван Васильевич—Пермской губ., Шадринского у., Осиновской вол., дер. Межалино.
31. Жуков, Яков Павлович—Тобольской губ., Тарского у., Бергаматской вол., того же села.
32. Рябцов, Юда Михайлович—Иркутской губ., Верхоленского у., Туринской вол., с. Заплески.
33. Букин, Андрей Ефимович—Тобольской губ., Ялуторовского у., Лыбаевской вол., д. Ук.
34. Катюхин, Николай Федорович—Костромской губ., Варнавинского у., Черновской вол., и села.
35. Маркин, Алексей Андреевич--Иркутской губ., Нижнеудинского у., Скобской вол. и села.
36. Швак, Степан Осипович—Тобольской губ., Ишимского у., Боровской вол, того же села.
37. Селезнев, Иван—Иркутской губ., Балаганского у.